

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Темная сторона

18+

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

Галина Череди́й
Темная сторона

«Автор»

2020

Чередий Г.

Темная сторона / Г. Чередий — «Автор», 2020

Ей осталось меньше месяца. Жизнь закончилась, не успев по-настоящему начаться. Полторы сотни лет для вампира не такой уж великий срок. Но ему осточертело существование без права на любовь. Ей страшно умирать, а ему неинтересно жить. Но что, если по какой-то немислимой, безумной, невероятной причине эти двое станут друг для друга спасением? Вторым шансом на жизнь? Последней попыткой любви? Единственным светлым пятном на Темной Стороне?..Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Галина Череди́й

Темная сторона

В оформлении обложки использована фотография автора rdrgraphe (id 198633472) с сайта <https://ru.depositphotos.com> по лицензии CC0.

Если в твоей жизни внезапно начинается светлая полоса, убедись, что это не дорога на темную сторону.

Глава 1

Как же приятно просыпаться не от опостылевшего за годы верещания будильника в сотом, а просто так, потому что выпалась. Досмотрела до конца все свои яркие сны. И не нужно вскакивать, бежать умываться, завтракать, собираться на работу. Выходить на улицу в такую рань, что все равно, какое сейчас время года, – это всегда неуютно. Тащиться до остановки, толкаться в маршрутке.

– Выходные – это благословение Господне! – сказала я сама себе и, сладко потянувшись, вылезла не спеша из-под одеяла.

Вместо ванной, накинув халат, первым делом вытащила из-под кровати напольные весы. Что-то я давненько о них не вспоминала, совсем какая-то замотанная была.

Шестьдесят килограмм триста грамм. Затаив дыхание от радости, я сошла со стеклянной платформы с изображением алых маков, резко выдохнула и встала обратно. Отразившаяся цифра оказалась все той же. Я не смогла себе отказать в удовольствии проделать тот же маневр снова.

Отойдя на несколько шагов, подпрыгнула, взбрыкнув по-детски в воздухе, и выбросила вверх кулак.

– Да-а-а! – прокричала в тишине пустой квартиры. – Спасибо, Боженька! Наконец-то!

Доскакала до зеркала в прихожей и, скинув халат, принялась вертеться перед ним, желая воочию узреть, что же изменилось с покинувшими меня килограммами. Сколько же я усилий потратила за все эти годы, какие только диеты не испробовала. Питьевые, углеводные, белковые. Бегала, ходила в бассейн, благо он рядом с работой, просто тупо голодала чуть не до обмороков. Но хоть бы раз паскудники-весы показали цифру меньше шестидесяти пяти. Не-а. Это был тот предел, который мне ни разу не удалось преодолеть.

И вот пожалуйста. Последние месяцы я ела все подряд, точнее, что придется, не слишком обращая внимание, и поглядите-ка на меня!

Приподняла свою немаленькую грудь, повернулась боком. Где это я успела себе эти три синяка на бедре набить? Не помню, чтобы ударялась. Но это ерунда, учитывая, что сами бедра наконец стали почти такими, как мне всегда мечталось. Попа, правда, еще оставляла желать лучшего, точнее, меньшего, да и талия могла быть поуже, но я не собиралась портить свой момент радости из-за этого понимания. Нет, я никогда не была прям жирной, что и посмотреть на себя тошно, скорее такой... ни то, ни се. Так что, ау, никогда прежде я не имела того, что имею сейчас.

А что же я имею?

Большую трехкомнатную квартиру, где теперь сама себе хозяйка, свободу не переживать и не заботиться ни о ком, кроме себя, не подстраивать свою жизнь под чужую. Не нужно оглядываться на чье-то мнение о том, во что ты одета-обута, во сколько приходишь, с кем общаешься, что смотришь по телевизору или в интернете. Похоже на одиночество.

По сути, это оно и есть. Со смертью бабушки я осталась на этом свете совсем одна. С квартирой, свободой, но одна. И это грустно. Однако и облегчение я тоже испытывала. Бабушка у меня была умная, волевая и очень подавляющая. Контролирующая. Всегда знающая, как лучше и что надо. А я ненавидела конфликты и, исходя из того, что с младенчества привыкла считать ее непререкаемым авторитетом, никогда и не пыталась бунтовать. Мятеж и желание вытворить что-то эдакое, безумное, радикально меняющее ритм существования – вот абсолютно не мое. Это касалось всего. Одежды, общения с людьми, личным и рабочим. Бабуля частенько называла меня рохлей и размазней, упоминая, что этим я вся в мать. И если не изменюсь, то повторю судьбу той. Этого мне не хотелось, конечно, ведь моя мать, тихая, добрая, с неизменно восхищенным взглядом в мир, встретив моего отца, эгоистичного бездарного без-

дельника, по мнению бабули, влюбилась без памяти. Так, что никого больше для нее уже не существовало. Даже когда родилась я, то стала им помехой, которую быстренько и с легкостью отдали бабушке и вернуть уже не пытались. Отец был художником, талантливым (по моему мнению, которое всегда держала при себе), но смолоду очень сильно уважающим алкоголь. А у матери не доставало сил противостоять этому его пагубному пристрастию, она пошла по пути наименьшего сопротивления, начав пить вместе с ним.

Итог: в девяностые, когда искусство никого не интересовало, они стали едва ли не нищенствовать, по обыкновению находя деньги на хоть какую-нибудь выпивку всегда, а на еду – как придется. И однажды купленная водка оказалась «паленой». Бабушка терпеть не могла говорить об этом. Еще бы! Такая позорная трагедия в приличной семье (дедуля был академиком, бабуля – директором школы), она вроде и не трагедия уже вовсе, а грязное пятно, о котором все стремятся забыть, припрятав подальше.

Отгнав грустные мысли, я вспомнила цифры на весах, решив перекрыть все позитивом. Распахнула дверцы платяного шкафа и уставилась на вешалки с одеждой. Эх, какая же она вся скучная у меня. Строгие блузки, прямые юбки, невзрачные кардиганы, несколько платьев, тоже чуть ли не монашеских. Никаких джинсов, боже упаси, бабуля была в этом патологически консервативна, а я... я терпеть не могла спорить и вызывать ее недовольство. Но теперь? А почему бы и нет! Почему именно сегодня родился такой импульс? Да какая разница!

Быстренько выпив кофе и собравшись, я направилась в ближайший торговый центр и в понедельник утром входила в нашу контору преображенной.

– Вы к кому? Пропуск есть? – строго спросил наш охранник Коля, до этого никогда и не останавливавший меня. Вообще вряд ли он меня и замечал.

– Коль, ты чего, это же я! – помахала я у него перед лицом, вынуждая поднять глаза от моей груди в тоненьком голубом облегающем свитере к лицу.

– Ох... ничё се! – выдохнул он, лупая глазами. – Марьянна, вас не узнать.

От его «Марьянны» я вечно ощущала себя какой-то пожилой училкой, хотя мы с ним вроде ровесники, но вот сейчас от этого нового не слишком пристойного рассматривания было не лучше. Хоть так, хоть эдак не комфортно, но последнее чуточку приятнее. По крайней мере, он впервые глядел на меня как на других женщин, а не сквозь. Не то чтобы его мнение важно мне, но настроение улучшило. А то по дороге я уже натерпелась от своего обновленного облика. Напялила каблучищи, бестолочь, а дома в выходные не догадалась хоть походить, пообвыкнуть. Выходя из маршрутки, едва не убилась, зацепившись. Спасибо, мужичок какой-то поймал. На каждой неровности тротуара ноги поочередно так и норовили подвернуться, и икры ныли от непривычного положения. Так что, плюхнувшись за стол на своем рабочем месте, я с удовольствием скинула туфли, сунув ноги в «рабочие» тапочки. Какая-то неудобная она, красота эта, выходит.

– Соколова?! – Минут через пять ввалилась Екатерина Морозова, моя вечно опаздывающая коллега и вторая красавица офиса. Первой была Милана Сафронова из отдела статистики. Хотя Катя так не считала, само собой.

– Да ла-а-а-дно! А ну-ка встань! – Она нахально схватила меня за руку, вытягивая из-за стола. – Мне Колька сказал, а я не поверила!

Морозова обошла меня, осматривая с головы до ног, и даже зыркнула на сброшенные туфли.

– А что, одобряю, – кивнула она, будто я нуждалась в ее оценке. – Вот постриглась бы еще да покрасилась... Суперкрасавицы из тебя, конечно, не выйдет, но ничего так, кто-нибудь да позарится наконец.

Ага, у нее все комплименты в таком духе. Похвалила – стой, обтекай. И да, я в курсе, что сердце у мужчин при взгляде на меня не останавливается. Даже теперь, когда я не бесформенное пугало внезапно. Бабуля утверждала, что это нынешние критерии красоты мне не подхо-

дят, а лет эдак сто пятьдесят или двести назад я считалась бы ослепительной красавицей. Ну да, ослепительной... Кто же не хвалит родную кровь, чтобы придать хоть немного уверенности? Эх, вот и надо было тогда родиться мне, а не сейчас, когда вот такие вот красавицы сногсшибательные «третий сорт не брак». Потому что, может, я и рохля робкая и нерешительная, но это никак не мешало мне мечтать о любви такой, чтобы... вот прямо ух! Увидел – и все, конец, влюбился насмерть. И я в него. И чтобы до гроба. Глупость и фантазия для женщины почти под тридцать со смехотворным опытом отношений, ну и что?

– На совещание пора, – отмахнулась я от Екатерины и, покосившись на туфли, пошлепала в начальственный кабинет в тапках.

– И в заключение я вам напоминаю, что завтра к офису приедет передвижной медицинский центр обследования... ну или что-то вроде того. – Оксана Сергеевна, наш руководитель, то и дело косилась на меня, почему-то не слишком одобрительно. – В течение дня каждый из вас должен обязательно спуститься к ним и пройти экспресс-тестирование. Это в рамках какой-то там правительственной новой программы контроля за здоровьем населения, так что не подведите.

– Большой брат желает знать о нас все-е-е! – замогильным голосом провещал наш офисный казанова и хохмач Антон Котов, который тоже зыркал на меня с любопытством, как и остальные.

У меня уже все чесалось от этого всего внимания от людей, что едва замечали меня раньше, если только не нужно было обратиться строго по делу. Все же быть невидимой как-то уютнее, пусть я и задавалась миллион раз вопросом: каково это быть такой женщиной, в которых влюбляются с лету, дар речи перед ними теряют... ну или хоть место в транспорте галантно уступают. Со мной такого не случалось до сих пор.

– Не паясничайте, Котов. Это добровольное обследование, – нахмурилась начальница.

– Оксана Сергеевна, «должны обязательно» – как-то немного противоречит определению «добровольно», – ухмыльнулся Антон и... подмигнул мне. Подмигнул! Мне!

С ума сойти! Нет, он, конечно, красавчик и все такое, хотя не в моем вкусе, ну слишком какой-то... прилизанный и хорошенький. И многим в нашем подавляюще женском коллективе он нравился, чем, насколько знаю, пользовался. Но не припомню, когда он хоть раз задерживал взгляд на мне, не то чтобы как-то давал понять, что в курсе моего существования.

– Все свободны и могут разойтись по своим рабочим местам, – подвела черту Оксана Сергеевна. – Соколова, задержитесь!

Когда кабинет опустел, она уселась напротив, теперь уже откровенно хмурясь.

– Решили сменить имидж, Мария? – строго спросила она.

– Я... ну да, захотелось чего-то нового.

– Как-то это не слишком своевременно, дорогая, – вздохнула она. – Вы же в курсе, что наша Надежда Филипповна уходит на пенсию на следующей неделе.

– Да.

В отделе давно шушукались, что это событие случится вот-вот, и строили предположения, кого же поставят на ее место.

– Так вот я рассматривала вашу кандидатуру на должность Амелиной, но теперь... Если вы внезапно решили больше уделять внимания... эм-мм... личной жизни, а не работе... Не подумайте, что я осуждаю, Мария, просто я же руководитель и должна отдавать предпочтение людям, которые на работу ходят работать, а не... м-хм...

– Оксана Сергеевна, разве личные или рабочие качества человека меняются вместе с его одеждой? – Мне было обидно.

– Нет, но, однако же, такая резкая перемена сигнализирует о неких... процессах.

– Поверьте, изменилась только моя одежда, не я сама.

– Вы заметно похудели, теперь это. Мария, давайте на чистоту: если в ближайшее время вы намерены, скажем, выйти замуж с последующим деторождением, что само по себе прекрасно, но для работы помеха, то я рассмотрю другую кандидата...

– Я не влюблена, не собираюсь замуж, в ближайшее время уж точно, и о детях тоже пока не думаю.

Хотя это совершенно не ваше дело, и кто дает вам право...

– Ну что же, это прекрасно... – Видно поняв, как это прозвучало, Оксана Сергеевна даже смутилась чуть и поднялась. – Значит, в понедельник на летучке и сообщим о вашем назначении и начнете принимать дела у Амелиной. Но я все же советовала бы вам вернуться к прежнему стилю. Так вы выглядели солиднее и старше. Все же должность теперь будете занимать – незачем нам всякие слухи.

«Что я получила повышение через постель, что ли?» – чуть не сорвалось у меня, и с трудом удалось не зафыркать, пока не выскочила из ее кабинета, чтобы тут же наткнуться на подпирающего стену Антона.

– Привет! – преувеличенно широко улыбнулся он. – Замечательно выглядишь, Мариша! Мариша? Серьезно?

– Ты тоже неплохо, – буркнула, проходя мимо и заставив себя не ссутулиться от его прямого визуального облизывания моей груди. Может, все же свитерок нужно было взять посвободнее? Что они все как...

– Я тут вспомнил, что мы как-то ни разу не ходили никуда с тобой после работы. Кофеек, то, се. В смысле, по-дружески мы иногда посиделки устраиваем, а тебя на них никогда не бывает.

Потому что меня никто и не приглашал.

– Ты меня пригласить пытаешься? – спросила прямо.

– Ага. Так и есть. Посидим, музыку послушаем. Ты как?

Мария, он тебе даже не нравится! Но когда тебя последний раз куда-то приглашал парень? Правильно, черт-те когда это был Володька Филонов, звавший меня погулять в лесу во время летней практики, где спустя неделю и забрал мою девственность под каким-то кустом. Знала бы бабуля!

– Согласна!

Глава 2

Опять этот шум у неудачника соседа! Открыв глаза, я раздраженно зыркнул вправо, в сторону общей с чужой квартирой стены. «Абсолютное уединение и покой». «Великолепнейшая современная шумоизоляция». «Потрясающий вид». Насчет вида перманентно источавшая в моем присутствии амбрэ своей похоти риэлторша не соврала. Я, собственно, ради вида из окон на большую часть города и купил этот пентхаус на полэтажа на самом верхнем ярусе новой высотки еще на фазе предчистовой отделки, как сейчас принято говорить.

Впрочем, претензий к агентше у меня не было. Даже насчет запаха. Заглянув в верхние слои ее сознания (далее я себе вторгаться не позволял, если только не имел дело с настоящим или невольным врагом), узнал, что бедолагу бросил муж-ублюдок сразу после рождения второго ребенка с каким-то там тяжелым заболеванием и она теперь впахивала, как проклятая, вывозя семью на себе, и даже на случайный секс у нее тупо времени не было, что уже там говорить об отношениях. Да и привык я давно к тому, как меня воспринимают окружающие вне зависимости от пола. А что касается шума, ну так для человеческого слуха его, по сути, и не было. Кто же виноват, что органы чувств у меня давно уже не работают по-людски. Да и изначально, после вселения пять лет назад, все было тихо-мирно, соседом оказался солидный бизнесмен энд политик с женой, и недвижимость по большей части пустовала – хватало и загородных домов семейства. Но потом мужик сменил старую жену на новую, а апартаменты подарил единственному сынку от первого брака, типа откупился. А отпрыск у папани не промах и сообразил, что сдавать за большие деньги посуточно эту хатенку в трех уровнях с собственным куском крыши и бассейном с подогревом всяким там желающим шикануть придуркам куда как выгоднее, чем просто жить в ней и содержать за свой счет.

И вот чуть ли не ежедневно эти самые любители пожить денек красиво или устроить гулянку и фотосессию в шикарном антураже галдели, курили, бухали и трахались, как в последний раз, и, к своему глубокому сожалению, я мог слышать большую часть этого непотребства. В обычное время мне бывало наплевать на все это – сколько лет назад сам-то пускался в такие загулы, испытывая на прочность то существо, каким стал, что никакому отчаянному кутежнику не выжить. Но сегодня разбудил меня еще до заката сигнал о сообщении, и, глянув на экран, я тут же передернулся. Неизвестный номер, вложение – видео. Это могло значить только одно: демонская мразь опять спешит познакомить меня с очередным своим «достижением».

От догадки, что за мерзость я могу там увидеть, тошнота подошла к горлу. Оотбросив телефон, я резко поднялся с кровати и, как был голышом, распахнул окно в спальне, прихватив с тумбочки сигареты. Прикурил, затянулся посильнее, до жжения в легких, и задержал выдох до ощущения удушья. Выпустил дым от крепкого табака, отчего перспектива из миллионов огней в раскинувшемся внизу городе подернулась на мгновение сизой дымкой.

– Я ведь могу просто не смотреть, – сказал великолепному пейзажу – свидетельству жизни тысяч и тысяч людей, которые срать хотели на мое существование в этом мире и на то, что там, на записи, скорее всего, запечатлены страдания, а может, и смерть им подобных. – Почему я, на хрен, все еще должен это делать?

Сделал еще несколько глубоких затяжек и потушил сигарету. А вдруг это и есть выход? Просто перестать реагировать.

– Мне теперь плевать, ясно?! – выкрикнул наружу в никуда, пусть и точно зная, к кому обращаюсь. – Ищи себе новый объект для забав! Делай с этими чертовыми людьми что вздрючится! Они все равно дерьмовей год от года становятся.

С какой такой стати я наделил себя миссией какого-то пришибленного спасателя от страшного зла? Из чувства мести? Ну так и сколько я НЕ живу уже с этой самой мезью? На

кой черт тогда иметь жутко долгую жизнь, если ты ее бездарно растрачиваешь на погоню за недостижимой целью? Ведь и боль утраты давно стихла, и память почти стерлась...

Подлый удар воспоминаний врезал мне под дых и в мозг так прицельно-мощно, что я грекнулся об пол голыми коленями, падая на них, как подрубленный. Стихла? Стерлась, говоришь? Тогда отчего вылезшие когти скребут дорогой гранит пола, оставляя царапины, в груди грохочет, а в кишках огненные узлы завязываются?

– Да как же меня это все уже достало! – рявкнул в тишину огромной квартиры.

– Опять крючит? – ворчливо осведомилась сзади. – Зараза, Рубль, мужик, ну когда ты прекратишь шарахаться по дому голым? Я уже знаю, как выглядит твое хозяйство во всех мельчайших подробностях, а это весьма травмирующий опыт для девушки.

Опершись на стену, я поднялся, ощущая себя древним стариканом, что не так уж и не правда, глянул через плечо и невольно хмыкнул.

– Это что на тебе, блин, такое, Алиса? – осведомился у своей почти вечной спутницы, кивая на фиолетовое с желтым похабство, в которое она была облачена сегодня с ног до головы.

– Я тебе уже говорила, это называется кигуруми, – закатила она глаза и, почесав ядовито-желтое пузо, пошлепала к моему комоду.

– Ты говорила так про розовую хрень позавчера. С кроличьим хвостом и ушами. А сегодня оно фиолетовое, хвост до земли и на голове... это рога, что ли?

– Тупица, это гребень! Потому что сегодня это дракон! – Алиса швырнула в меня трусами. – Прикройся уже! Болтаешь тут хоботом своим!

– Знаешь, это как минимум странно рядиться на ночь в нечто подобное, – пробурчал я, натягивая трикотаж. – И кстати, не забывайся и следи за языком. Я как-никак все еще твой хозяин.

– Странно голышом шататься, смущая невинные умы не готовых к стрип-шоу девиц, – нахально огрызнулась моя, по сути, служанка, а по факту, скорее уж, давно родня и боевой товарищ.

– Да побойся бога, в каком это еще месте ты невинна? – фыркнул я, понимая, что это все же чересчур, но что-то бесит все сегодня.

– Вот нисколько не удивительно, что у тебя женщины нет постоянной, Рубль. Ты просто неотесанный мужлан и грубиян.

– Тебе прекрасно известно, почему у меня на самом деле нет постоянной женщины! – не сдержавшись, рявкнул ей, отворачиваясь.

– Прости, – тихо, но искренне попросила Алиса. – Меня заносит.

– И ты меня. Я не хотел тебя обидеть. И смущать видом причиндалов тоже не хотел, просто накрыло опять.

– Ой, да я смущаться вида твоего змея с бубенцами перестала лет сто назад, – отмахнулась Алиса беспечно. – Тебя чего снова скрючило? Приснилось или... опять?

– Скорее всего, опять, – кивнул я на лежащий на простыне телефон, и фиолетовая псевдодракониха медленно пошла к нему, будто подкрадывалась к ядовитой ползучей гадине.

– Не смотрел? – коротко глянула она на меня.

– Нет. И не буду.

– Ты уже шесть раз обещал. Хочешь, я удалю просто?

– Я что, по-твоему, какой-то трусливый кусок дерьма или слабак? – сходу по новой выверился я.

Ну да, зверь у нас так-то Алиса, а бросаюсь, выходит, я.

– Тебе честно?

– А ты прямо сможешь? – огрызнулся язвительно.

– Ну-у-у, когда-нибудь... – постукала Алиса пальцем по нижней губе. – Но пока могу только предсказать...

– Ой, вот только гадания мне твоего не хватало! – перебил ее, прикуривая новую сигарету.

– Это не гадание, Рубль, а прогноз твоих действий на основе многолетних наблюдений. Так вот: если я не удалю это видео, ты все равно не выдержишь и согласишься посмотреть его. А это, естественно, опять приведет к тому, что мы станем без сна и нормальных перекусов прочесывать город в поисках этой поганой твари. Как обычно, никого не найдем, и ты станешь на пару недель реально невыносим, потому что погрязнешь в депресняке.

– Если верить твоим постоянным жалобам, то я невыносим в режиме нон-стоп.

– Истинная правда. Отличается только интенсивность, – легко согласилась нахалка, плюхаясь на живот поперек моей кровати, но, потыкав в телефон пальцем, так и не взяла его в руки. – Поэтому я и предлагаю тебе – давай удалю.

– Ну чем же это поможет? А меня здесь, – я постучал по своему виску костяшками пальцев, – все равно уже бомбануло.

– Ты даже не знаешь, он ли это прислал.

– Я знаю. И ты знаешь. Больше некому.

– Могли ошибиться номером. Вдруг там телка горячая сиськами в камеру тычет? Когда ты последний раз тщательно рассматривал голые сиськи, Рубль? Ты же вечно трахаешься стоя, в одежде, в подворотне или вообще вон в сортире клубешников. Это отстой!

– Не твое дело. И я видел сиськи. Я их даже щупал. Долго.

Вранье, и гадская зверюга это знает.

– Когда? Какой размер? Цвет сосков? Насколько долго?

– Алиса, иди ты... собирайся! Пора уже выйти и сократить поголовье нечисти на парутройку голов.

– А ничего, что для любого нормального человека мы так-то тоже нечисть? – и не подумала послушаться Алиса, начав толкать мой гаджет по шелковой черной простыне туда-сюда.

– Нечисть – это образ жизни, а не физиологическое состояние организма.

– Давай удалю.

– Давай ты отвалишь!

Я сделал шаг к постели, Алиса выкинула вперед руку, явно собираясь поступить по-своему, но я был быстрее. Ее движения молниеносны, не чета человеческим, но все равно ей не опередить меня.

– Обломайся! – ухмыльнулся, подкинув в ладони телефон.

– Черт, ну я же как лучше хочу, Рубль! – вскочив, она возмущенно топнула, и надеюсь, в квартире снизу не посыпалась с потолка штукатурка. – Если ты не остановишься, не покажешь ему, что тебе нет до этого больше дела, то и этот гад тоже не прекратит! Нам не потянуть завалить его, сколько же лет пытаемся! Пора просто забить и начать жить дальше.

Без тебя знаю. Знаю. Но не факт, что смогу.

– Ну так забудь! Сможешь?

– Я, по крайней мере, работаю над этим!

– Именно поэтому ты полгода назад послала в пеший эротический того своего мрачного красавчика... как там его звали?

– Никак! – сжала кулаки Алиса, угрожающе засопев, пока я невозмутимо одевался и вооружался.

– Нет, как-то его все-таки звали... ты звала, когда орала его имя по ночам...

– Заткнись!

– А, точно – Макс! – не подумал я остановиться. Первая начала. – А послала ты его потому что?..

– Достал. Он в постели отстой.

– Ага. Именно так и было, я слышал. А теперь вспомни, кому ты тут в уши дуешь, зверушка! Ты его послала, потому что начала что-то чувствовать к этому самцу. Но ты прекрасно знаешь, что пока по этой земле ходит ушлепок Карган, мы не имеем право себе позволить к кому-то привязаться, начать чувствовать. Хотя у тебя есть вариант свалить от меня как можно дальше...

– Да заколебал ты, Рубль!

– Господин Рублев, нахалка! Или хозяин. Жду на улице.

Поднявшись по лестнице внутри квартиры на крышу, я вслушался в себя, глядя на город внизу, не подскажет ли направление чутье, и, уловив всполох, ясно указывающий на чей-то смертельный страх, шагнул с парапета. Поохотимся.

Глава 3

Похоже, мы вчера с Антоном «перегуляли», подумалось мне, когда посреди ночи проснулась от сухости во рту и ощущения, что мне очень жарко, что, впрочем, тут же сменилось ознобом, стоило в промокшей от пота ночнушке вылезти из-под одеяла. Но к тому моменту, как прозвонил будильник, от недомогания и следа не осталось, так что, собираясь на работу, я чуть ли не порхала по квартире, сердце прямо колотилось в предвкушении. Наверное. Это, судя по всему, какой-то особенный род волнения, когда мозгами понимаешь, что и повода-то нет, но пульс отчего-то колошматит и вся взбудоражена.

Впервые в жизни, пожалуй, серьезно зависла, выбирая наряд на сегодня. Мне не было на это, в принципе, наплевать и раньше, но залипнуть на выборе между темно-серым строгим костюмом и светло-серым не случалось. А когда на тебя с вешалок в шкафу уставилось сразу с десятков разноцветных обновок, убеждая, что каждая сядет идеальнее любой другой неудачницы, то чувствуешь себя чуток растерянно.

Опомнившись уже около входной двери, скинула туфли и плащ и мотанула обратно в спальню. Убедиться, что вчерашние кофе, бокал шампанского и парочка крохотных вкуснящих пирожных не зацепились где-то на моих новых, почти роскошных бедрах. Кстати, Антоша был просто супергалантен, остроумен и необычайно заботлив, не смутившись даже тогда, когда у меня с какого-то перепугу пошла кровь из носа. Пара капель, конечно, ерунда, все тут же прекратилось, но все равно не особенно приятно. На нас то и дело косились завистливо девушки за соседними столиками, вот только, как по мне, слишком уж быстро парень перешел к лобызанию моих рук, причем какому-то смущающе сильно интимному, с придыханием и пристальными обожающими взглядами. Нет, оно, безусловно, приятно, особенно учитывая, что впервые, и в собственных глазах я как будто раза в два еще симпатичнее стала, но как-то... стремительно это. Эх, не так легко вывести из себя бабулю. Одним переодеванием и посиделками в кафе тут не обойтись. Нужны, скорее всего, более радикальные методы, но опять же так с наскоку я к ним не готова еще, поэтому сделала вид, что намеков про «а не сменить ли нам обстановочку на более приватную» и «ты же совсем одна живешь, и наверняка нужно чем-то помочь по-мужски» не понимаю. И чай у меня дома, как назло, закончился, да-да. И от попытки облапать-поцеловать страстно на прощание уклонилась. Но уже по пути домой пожалела.

Во-первых, в маршрутке какой-то странный парень с татуировкой на правом виске пялился на меня не отрываясь – ну чисто натуральный маньяк. Я еще потом долго оглядывалась, несясь к дому как угорелая, забыв даже ноги в новых туфлях с перепугу подворачивать. И отдышаться потом не могла ой как долго, едва не рухнула в обморок в подъезде. Сердце тарбанило как ненормальное. Ничего себе, перепугалась. Я не спортсменка, естественно, но что там идти-то было, чтобы потом так воздухом давиться в моем еще нисколько не преклонном возрасте.

А во-вторых... вот почему нет-то, Мария? С чего ты отказала сама себе в приятном? Ну быстро, да, но сейчас и не девятнадцатый век, по полгода не ухаживают и секс не только после свадьбы. Не уверена, что ныне еще и пресловутого правила трех свиданий кто-то придерживается. Жизнь летит слишком быстро, чтобы растягивать все и отказываться от удовольствия в пользу давно никому не интересных принципов и традиций замшелых. Лично у тебя и так уже изрядный кусок этой жизни тью-тью. Один из лучших, хочу заметить, кусков. А Антоша, хоть и сильно приторный и настырный на мой вкус, но явно с опытом, и есть вероятность, что в курсе, как женщине сделать хорошо. И вообще, какой там у меня к чертям вкус на мужчин? Такое чувство, что у меня было много возможностей это выяснить в полевых испытаниях, так сказать. Вон, если верить романам, не все полезно, что в рот поле... тьфу, это не про то. В

смысле, по одежке встречают, за длину провож... Ой, опять не то. Мал золотник... Не-не-не, что-то совсем не в ту степь. Да что за ерунда в голову лезет?!

Короче, я решила, что если сегодня меня Антоша опять пригласит в кафе, то я возьму и не ограничусь одним бокалом шампанского, а выпью как минимум два и позволю ему увлечь меня в бездну неудержимого разврата. И только тогда поняла, что так и стою на платформе весов. Зыркнула вниз. Пятьдесят девять восемьсот. Ого, пирожки не только не прилипли нигде, но и с собой кое-что прихватили! А вдруг это и есть моя счастливая диета? Хотя, если подумать, есть в последние недели мне толком и не хотелось.

На радостях, я забрала из холодильника оставшийся кусок колбасы (все равно в рот не лезет ничего) и щедро одарила им большую лохматую страхолюдную псину, что прижилась у нас несколько месяцев назад у подъезда и вечно бурчала на меня, будто видела впервые. И не такая уж она и страхолюдная, просто мрачноватая. И дождь на улице никакой не противный. Нормальный такой весенний дождь. Вторые сутки без перерыва. Зато... ну не знаю, трава будет гуще и зеленее. Мало ли, природе, ей виднее, как лучше. И в маршрутке не так уж и тесно и плохо пахнет. Подумаешь, может кому-то и мой новый парфюм кажется отвратительным, хоть нос зажимай, но люди воспитанные, терпят. Вон улыбаются даже некоторые.

Здоровенный автобус без боковых окон с ярким логотипом с ладонями, держащими, как в чаше, сердце, невозможно было не заметить. Да, точно, медосмотр же, или как там называется сие масштабное добровольно-принудительное мероприятие. Очереди не наблюдалось, и я решила быстренько разобраться с этим начальственным повелением проявить сознательность и сдать медикам ненадолго.

– На кровь сначала проходим! – уведомила меня совсем юная медсестра. – Потом на общий осмотр, флюорографию и УЗИ органов.

А я на все согласна, мне бы побыстрее. На общий осмотр к долговязому седому доктору я заходила с улыбкой. Но она быстро растаяла, когда он ткнул в россыпь новых мелких синяков у меня на ребрах и в изгибе локтя... и на спине.

– Слабость в последнее время ощущаете? – спросил он, деловито начав шупать что-то на горле, а потом велел лечь на кушетку и прошелся по всему телу.

– Да нет... вроде.

– Да, нет или вроде?

– Если только немного.

– Одышка?

– Есть немного.

– Appetit не снижался?

– Нем... – Тьфу ты! – Есть не слишком хочется в последнее время.

– Потеря веса внезапная?

– Угу, – кивнула я, мрачняя. Что-то мне уже все это совсем не нравится.

– Десны не кровоточили? – Я помотала головой. – А из носа?

Замерев, я уже в настоящем страхе вылупилась на пугающего мужика.

– Ясно, – кивнул он, словно получив ответ. – Температура? Лихорадит по ночам?

– Что со мной? – спросила в лоб.

– Вы не беременны, Мария Ивановна? – Седые брови сошлись на переносице, и мне совсем поплохело.

– Нет! Что такое, доктор? – Что это за особый сорт издевательства над нервами человека? Этому специально в мединституте обучают?

– Минутку, – он поднялся и выглянул за дверь: – Светочка, давайте быстренько мне экспресс на онкомаркеры по Соколовой.

Что?

– А теперь на УЗИ, Мария Ивановна. – Это что за манера такая говорить с человеком, нарочно ему в глаза не глядя? – Надевайте одноразовый халатик...

– Да что происходит-то?!?! – не выдержав, заорала я.

Неделю спустя

Я сидела на лавочке без спинки в парке областного онкоцентра и бездумно разглядывала проходящих мимо по аллее людей. Сколько из них оказались удачливее меня? Какая, собственно, разница. Ведь главный вопрос совсем другой, вот только смысл его задавать себе, если ответа на такое не найти. Почему я? За что? Все мы... ну ладно, подавляющее число людей способны на сочувствие, сострадание, нам бесконечно жаль безнадежно больных. Зачастую даже тебя охватывает неловкость, чувство, похожее на вину рядом с ними. Как если бы ты виновата в том, что с тобой все хорошо. Но вот когда ты очутишься на «той стороне», тогда и появляются эти, мягко выражаясь, некрасивые вопросы. Почему я? Почему не та же соседка-пенсионерка этажом ниже. Она хоть пожила, а я? У меня только что-то светлое в жизни забрезжило. Повышение, мужчины, а там, может, и семья какая-никакая, дети. Похудела вот в кои-то веки. Да это гадко, стыдно, бесчеловечно позволять себе думать так, но-но-но... Оказавшись перед неоспоримым фактом, что твоя жизнь закончится, и не когда-то там, а совсем скоро, вдруг осознаешь, все равно зываешь с этим «почему я?» к Вселенной.

«Анемия, резкая потеря веса», – застучали изнутри в черепушке слова онколога. Маша-бестолочь думала, что у нее радость, а на самом деле – симптом.

«Сверхострое протекание... совершенно нетипично для людей вашего возраста». Ну хоть в чем-то я выделилась из серой массы. Глядишь, в какой-нибудь справочник медицинский попаду.

«Множественные опухоли вторичного характера», «бластные клетки», «поражение лимфоузлов». Божечки, еще несколько дней назад для меня это звучало, как пугающая чужеродная абракадабра, сейчас же стало моим приговором.

«К сожалению, на этой стадии заболевания и при столь скоротечном протекании современная медицина бессильна вам помочь».

Вот так, в двадцать первом веке, когда ученые от медицины творят чуть ли не волшебство, в моем конкретном случае чудо невозможно.

Господи, у меня же и не болит даже ничего. Пока. Пока не болит. В следующие несколько недель, которые пообещала мне доктор, ожидалось нарастание симптомов. Обмороки, тахикардия, боль в сердце, панкреатит, судороги, дисфункция дыхания...

«Приведите в порядок дела, повидаетесь с близкими и подыщите приличный хоспис. Я могу порекомендовать несколько».

Порекомендуйте мне, как жить продолжить! Можете?

Ведь и плакать не выходит. Или злиться. Вроде и времени на осознание было достаточно, но все равно... Как можно, сидя в парке в солнечный, обещающий скорое тепло и разгар весны день, поверить, что ты умрешь? Возможно, даже не успев увидеть эту самую настоящую весну. А ведь я и пару платьев легких успела купить. Красивых. Их теперь куда? Какая же чушь лезет в голову!

Поднявшись, я пошла из парка прочь, не выбирая направления. Бродила по городу, останавливаясь и разглядывая здания, вывески, машины, пока спустя несколько часов мой взгляд не наткнулся на здоровенный яркий баннер на стене. «Агентство недвижимости «Импульс-Тех». Мы продадим ваш дом в кратчайшие сроки или произведем срочный выкуп недвижимости по самой лучшей цене на рынке. Подыщем идеальный вариант аренды на любой период

от суток до нескольких лет. За девяносто дней найдем дом на самый взыскательный вкус. Если не справимся, сделаем семнадцать процентов скидки на наши услуги».

И что-то там еще о том, что они круче всех на рынке и исполнят любой каприз в продаже-покупке недвижимости. Решение созрело молниеносно и полностью, не оставив никаких сомнений. Не хочу я, как всю свою жизнь, плыть по течению, позволяя судьбе или природе привести их приговор в исполнение. Не собираюсь умирать по подлому сценарию моей болезни, и мне совершенно плевать, насколько это грешно. Я и в Бога-то никогда не верила раньше, а теперь и подавно.

– Здравствуйте! – симпатичная блондинка в очках с черной модной оправой приветствовала меня широкой заученной улыбкой. – Мы можем вам помочь?

– Можете. Я хочу, чтобы вы срочно выкупили у меня квартиру.

Глава 4

– Блин, Алиса, ну на кой ты его прибила? – возмутился я, выдергивая клинок из груди уже начавшего посмертное обращение перевертыша. – Я его допросить хотел! Он же явно из них троих главный.

Кошка размером с дога-рекордсмена скосила на меня сверкнувшие неоново-желтым большие глазищи, разжала челюсти, сжимавшие горло еще конвульсивно дрыгавшей конечностями жертвы, и плюхнулась на задницу, раздраженно захлестав себя хвостом по гладким бокам. Через мгновение с земли вскочила хрупкая девушка, чью наготу я уже сто лет как научился просто не замечать, с растрепанными короткими темными волосами, и гневно ткнула в меня пальцем.

– А я должна была об этом как-то по волшебству догадаться, Рубль? – возмущенно спросила Алиса, экспрессивно взмахнув руками. – Тебе твою гребаную телепатию тем пнем по башке отшибло?

Да, корягой мне знатно прилетело по черепу. Так и надо раззяве! Головой следует на охоте на триста шестьдесят вертеть.

– Вообще-то, ты могла и дотумкать, что нам один для допроса пригодится. Что-то тут поганое назревает однозначно. К тому же мне и жидким топливом заправиться не помешало бы.

– Ну так и не добивал бы своего, – указала она на уже совсем лишившееся шерсти тело у моих ног. – Этот так-то целился тебе как раз на спину запрыгнуть и шею сломать. Мог бы просто сказать: «Спасибо, моя драгоценная и незаменимая Алиса, что в миллионный раз спасла мне жизнь!»

– Спасибо, зануда Алиса, что спасла мне жизнь, хотя в этот раз – не факт, но прошу не забывать, что каждый из этого миллиона раз я тебе вернул, прикрыв и твою голую задницу.

– Сегодня был миллион первый, и я все равно веду в счете, – фыркнула моя соратница, отворачиваясь и оставляя последнее слово за собой, как любая женщина. – И можешь попить из меня – все равно ведь вечно жалуешься, что после насильственного кормления у тебя живот крутит, а соблазнять очередную красотку тебе лениво. Хотя, как по мне, ты тупо охренел, Рубль. Бабы и так при виде тебя дуры дурами становятся и прутся в твою сторону, как зомби, а тебе еще и лень выбрать подходящую и чуток голову ей задурить?

Допустим, не так все и просто. Я не какая-то там скотина эгоистичная, и если уж отбирал у женщины часть ее жизненной сути вместе с кровью (ровно такую, какая восстановится без особых проблем, так, голова пару дней покружится), то щедро расплачивался хотя бы качественным оргазмом и обязательно убеждался, что после кормления она оставалась приходить в себя в безопасности. А это никак не «чуток голову задурить». Потратишь вечер на кормление – считай, забудь этой ночью про охоту.

– Убить несколько часов на то, чтобы пожрать, когда вот оно под носом было?

Ее предложение покормить меня не собирался и рассматривать. Пусть когда-то я и питался от Алисы, и до сих пор это иногда происходило в экстренных случаях, но чем больше мы вместе, тем тяжелее мне давалось. Затуманивать ей разум возбуждением я не стал бы, это все равно что соблазнять сестру, да и она сама бы не согласилась. А без этого отъем крови для питания вампа – крайне болезненная процедура. И какой бы стойкой и нечувствительной к боли она ни прикидывалась, я это точно знал и нарочно приносить страдания был не намерен.

Алиса глянула через плечо тем самым пристальным, знающим меня как облупленного взглядом, который я терпеть не мог. Потому что она и правда знала обо мне то, о чем и перед собой умалчивал, прикрываясь ежедневной суетой с охотой. Да, уже много лет я перестал ощущать себя последней предающей тварью и шлюхой за то, что испытывал физическое влечение

после гибели Лори, но мне по-прежнему не нравился секс со всеми этими безликими женщинами. То есть я нормальный мужчина-вампир, с исправно работающим повышенным либидо, присущим подобным мне существам, но мне чертовски противна необходимость трахаться только так, практически анонимно, не связывая себя с партнершей на уровне эмоций, превращая акт близости в нечто непотребное, по сути, оскорбительное для обоих участников действия. Сколько бы я ни убеждал себя, что «сунул-вынул-свалил» и есть идеальная секс-формула для любого самца, особенно современного, все равно в глубине души, которой у меня, по утверждению кинематографа и писак, нет, осознавал, что выходит какой-то суррогат, дешевая подделка вместо удовольствия. Что поделать, антиквариат я, видимо, безнадежный.

– Елки-палки, дайте мне орден из чистого золота за то, что терплю вечное ворчание этого кровопийцы! – закатила глаза Алиса и ткнула ногой труп ближайшего перевертыша. – Мы на сегодня свой план по борьбе с возрастанием популяции нечисти вроде выполнили, а ночь в разгаре. Так давай махнем куда-нибудь в центр, подцепим себе подходящие варианты. Ты поешь, я тоже проведу время с пользой для душевного и телесного здоровья.

– Не боишься, что в самый неподходящий момент появится тот самый Макс, чьего имени нельзя теперь называть, и надерет одну голую пятую точку? Сто процентов не твою.

Этот оборотень явно очень-очень сильно был против их расставания и пару раз уже обламывал Алисе новые попытки загулов. Seriously настроенный зверюга, по которому она тосковала, каких бы независимых рож ни корчила.

– Вот еще, боялась бы я какого-то котяру, – фыркнула боевая подруга, задрав нос. – Тем более когда его и в городе нет.

Ага, и ты об этом прекрасно осведомлена, хотя нисколечки до него дела нет. Эх, Алиса, Алиса, сколько лет мы играем эту проклятую роль «я бесчувственная скотина» и сколько еще в ней протянем? Неужели нет для нас способа прекратить подобное? Или игнор имеет шанс сработать? Я вспомнил про видео, которое так и не открыл, и скривился. Но ведь и не удалил же. И не выходит забыть о том, что оно там. Какое-то, сука, извращение, что рассеивает мое внимание, вот и получил по балде бревном.

– Кто-то идет! – насторожилась Алиса, уставившись в темноту. – Перевертыш. Взрослый. Сильный. Один.

«Сильный» из уст моей подруги – это нечто сродни комплименту и предупреждению заодно. Учитывая, что она сама уже оборотень больше ста пятидесяти лет, при их уровне смертности по массе причин, Алиса давно уже могла бы стать Матриархом в какой пожелает стае, и альфа там был бы у нее, что называется, на посылках. Но она упрямо предпочитает оставаться со мной, и я понимаю почему. Как бы она, как представительница своего племени, ни нуждалась в связи со стаей, любая связь – это угроза. Это наличие тех существ, кому может быть причинен вред, только чтобы уязвить тебя.

Спустя секунду уже и я мог слышать звук приближающихся шагов, но мне понадобилось еще время, чтобы уловить то, о чем предупредила Алиса: к нам идет взрослый перевертыш, как вещал его запах, который я улавливал от убитых вчера и сегодня неполноценных. И он действительно силен, судя по распространяющейся волнами его ментальной силе.

Алиса встала рядом со мной, напрягшись, готовая к отражению нападения. Силуэт незнакомца, двигавшегося непринужденной упругой походкой, будто он или не замечал нас, что вряд ли возможно, или абсолютно плевать хотел, появился в темноте между ближайшими деревьями, и вскоре я мог его уже неплохо рассмотреть. Высокий рост, массивное сложение, аура свирепой мощи, которую он явно нарочно открыто демонстрировал. Так самоуверен, умишком слаб или понятия не имеет, кому выперся на глаза?

– Ну надо же, если не ошибаюсь, на мою землю пожаловал тот самый пресловутый убийца Рубль.

Значит, все же в курсе, кто я, тогда его борзость вдвойне выглядит странно, если только не так и задумано по какой-то причине.

– Кто такой и по какому праву претендуешь на ничейную территорию? – не стал я с ним церемониться.

– Я бы послал тебя – много чести представляться какому-то зарвавшемуся кровососу, возомнившему себя местечковым Бэтменом, но, думаю, тебе стоит знать имя того, кто вскоре будет здесь главным. Артем Деев. – Он чуть склонил голову, типа вежливо, но при его медвежьей шее это смотрелось, скорее, жестом угрозы.

– Главный здесь – альфа Галактионов. И никакой тусни с вашими звериными разборками я у себя под носом не потерплю, – безапелляционно уведомил чужака.

– Тебя наши разборки не касаются, – рыкнул Деев.

– Если ваши разборки приводят к разбросанным вокруг человеческим изуродованным трупам, то касаются.

– Не лезь, и мы сами за собой приберем.

– Не вариант. Я сказал – никаких войн и переделов.

– Ой, да брось ты, Рубль...

– Для тебя – господин Рублев, – отрезал я. Ублюдок мне откровенно не нравился. Местный альфа Галактионов тоже не сахар, но от него я уже сумел добиться того, чтобы они никого не обращали чаще раза в месяц, охотились только на дичь в своих закрытых от случайных посетителей заповедниках и – чем я особенно гордился – никаких неполноценных больше.

– Господин Рублев, – сквозь зубы процедил Деев. – Здесь не происходит ничего достойного твоего внимания и вмешательства.

– Да неужели? – не сдержавшись, оскалилась на него Алиса. – Двое неполноценных обращенных с пастухом растерзали девчонку вчера тут неподалеку, прежде чем мы их упокоили навечно, сегодня та же петрушка, только жертва парень. Ничего не происходит, говоришь?

– А эта твоя подстилка-кормилица, как погляжу, дерзкая и язвучая? – мерзко ухмыльнулся Деев, не удостоив Алису даже взглядом. – Отдай ее мне на недельку, и я верну тебе ее послушной и практически немой.

– Мне и пяти минут не понадобится, чтобы сделать тебя молчаливым остывающим трупом, говнюк-сексист! – рявкнула в ответ девушка.

– Алиса, назад! – приказал я, уловив признаки движения со всех сторон и поняв, что болтовня была только для отвлечения внимания. – Сваливаем!

– Правильно, перемещайся давай, никчемный герой-одиночка, – цинично рассмеялся пришлый альфа. – А эту нам оставь. Мы ей напомним, где ее место и для чего позволено рот открывать.

Слова, брошенные прицельно как дополнительная гарантия, что я не выскользну из ловушки – ведь все, кто знает обо мне, в курсе, что Алису не брошу ни за что.

– Сук своих учить будешь, если они настолько трусливы и тупы, чтобы не оттяпать тебе училку по самый корень! – огрызнулась моя гордая кошка.

Мало что так лишало Алису самообладания, как все «старообрядческие» замашки некоторых оборотней, но сейчас нам реально было не до уроков хороших манер и лекций о новом положении женских особей в обществе, учитывая, что нас окружали. Трое зверюг, даже пятеро – фигня, но я слышал однозначно около трех десятков, а то и больше. И да, для меня как таковой угрозы нет – могу переместиться в любой момент, но вот моя спутница не обладала этой способностью.

– Уходим! – дернул я Алису за руку, кивая направо, где мое чутье подсказывало противников было меньше.

Главное – прорвать кольцо, дальше ерунда. Вернемся с бойцами Галактионова и перережем их как свиней.

Вот только Деев это тоже понимал. Завыл, подавая сигнал общей атаки, и рванул на меня, обращаясь в прыжке. Но не достал, Алиса врезалась ему в бок на подлете, и они покатались ревушим клубком по поляне, а мне только и осталось, что, используя свою сверхскорость, мочить одного за другим выскакивающих из темноты зверей, прикрывая ее, пока она разбиралась с главным мерзавцем. Вмешаться в поединок у меня не было шанса – твари перли и перли, не давая мне и полмгновения передышки.

Черт, этот гад наплодил изрядное количество бойцов, однако. И хоть большинство явно «свежие» и ни хрена не противники, но много – это много, и достать им меня получилось и не раз до того момента, когда раздался истошный вой, резко перешедший в придушенный хрип, от которого волна нападающих отхлынула, получив четкое послание, что их альфа повержен.

– Вот так, падаль охреневшая, – сипло выдавила сквозь надсадные вдохи обратившаяся Алиса, поднимаясь с тела противника. – Не нужно недооценивать самок! Я тебе не ваши трусливые суки! Помочилась бы на тебя, урод, да противно!

Члены стаи Деева, отступая, шокированно скулили и метались между деревьями, не понимая, куда теперь податься. Надо позвонить Галактионову, пусть бардак за своим соплеменником приберет и этих неприкаянных пристроит куда-нибудь. Это не моя забота.

– Кто тут круче всех?! – чуть отдышавшись, завопила Алиса, чьи глаза еще лихорадочно блестели после схватки. Она всегда легко заводилась и не сразу остывала в таких заварушках. К тому же с природой оборотнячей не поспоришь, и жажда доминирования становилась все сильнее с возрастом. – Я круче всех! Я!

Замертво валявшийся побежденный альфа вдруг взвился с земли, как камень, выпущенный из пращи, и даже с моей вампирской скоростью я не сумел предотвратить беды. Мой клинок дважды вошел между ребрами Деева, но огромные челюсти зверя успели сомкнуться на тонкой сейчас человеческой шее Алисы и рвануть, прежде чем он издох. Теперь уже окончательно и по-настоящему.

– Дура-дура-дура ты! – орал я, зажимая рваную рану на горле верной подруги и подхватывая еще до падения на землю, и тут же понесся что есть сил к машине. – Только умри мне! Я тебе умру, зараза!

Алиса еще не теряла сознание и смотрела на меня ошарашенно и виновато, беззвучно шепча «Прости», заливая нас обоих хлещущей кровью. А я молился Богу, который не может слышать таких, как мы, чтобы помог довести ее к Касьяну-лекарю. И в кои-то веки он меня или услышал, или сама Алиса безумно везуча, но, когда я сдавал ее на руки этому «доктору для нечисти», она еще дышала.

– Домой иди, Рубль, – велел он мне, выйдя через час из-за двери в свою колдовскую каморку, она же типа операционная или хрен ее знает что. – Я ее стабилизировал. Буду во сне держать еще как минимум пару суток. Если хватит у нее сил – выживет. Поистратилась она что-то сильно.

Ну еще бы, этот поединок, будь он неладен. Вот встанет – сам пришибу! Зачем влезла? Что, я бы сам этого Деева в рукопашной не потянул?

– Вытащи ее, Касьян. Я заплачу сколько надо.

– Я в этом не сомневаюсь, но сейчас все не от меня зависит. А ты иди, давай, рассвет скоро.

Глава 5

Зачем все это? Этот вопрос я начала задавать себе еще час назад, когда все мои гости, будь они неладны, набрались дорогушим алкоголем уже достаточно, чтобы начать себя вести естественно. То бишь перестать изображать вежливость и внимание ко мне, устроившей им эту, как они еще не знали, прощальную гулянку в съёмном суперроскошном пентхаусе на верхнем этаже элитной новостройки. Блюда из ресторанов с заоблачной ценой, приглашенный бармен, устраивающий целое представление из приготовления горячительных напитков, орущая музыка... Ничего так предварительные поминки у меня выходят. Все в лучших традициях. Поначалу все тоже силились сказать мне и обо мне нечто хорошее – положено же, если внезапно у тебя в бывших одноклассниках и коллегах обнаруживается личность, выигравшая в лотерею целую кучу денег (якобы), да еще и вспоминая о тебе, простом смертном неудачнике, чтобы пригласить это круто отметить.

Но потом причина, по которой они сюда попали, практически перестала иметь значение. Каждый получал удовольствие в процессе. Тамара Игоревна и Любовь Савельевна из бухгалтерии вон, похоже, поставили себе целью перепробовать все заказанные мною деликатесы, особенно налегая на черную икру. Офисные красавицы зажигают на танцполе, перехватывая друг у друга местный пилон, будто он гарантирует звание лучшего работника на фирме. Бывшие одноклассницы демонстрируют друг другу драгоценные побрякушки, вдохновенно заливая о своей успешной жизни. А может и нет. Тайная любовь всей моей школьной юности Алешка Романов занимался примерно тем же, что и дамы из бухгалтерии, только с алкоголем. Кстати, была у меня мыслишка, когда его сюда приглашала, как-нибудь уложить его в постель в конце вечера. Гулять, так гулять. Пьянка, танцы и последний в жизни отвязный секс – классная же декорация для красивого ухода из жизни. Вот только на деле все оказалось не так, как лихо представлялось в воображении. Никакого фееричного праздника, где я внезапно звезда, которую запомнят потом на долго-долго. Просто люди, знакомые вроде раньше и сейчас, но совершенно чужие, улыбающиеся тебе фальшиво, а в глазах зеркальное отражение вопроса, что бился монотонным пульсом в моем мозгу все эти дни. Почему она, не я. Эх, уступлю свое место кому угодно, не глядя, и даже остаток денег отдам!

Короче, часам к одиннадцати вечера я окончательно поняла, что ни черта не удалось. Господи, чем я думала? Романов еще этот... ведь и тридцатника нет, но уже пивной животик и залысины наметились, ныряет без конца в рюмку, и только и разговоров, какая стерва его бывшая жена. Ну какая из него, блин, эротическая греза, и что за партнер для прощального взрывного секса? В постель-то его однозначно уложить придется очень скоро, однако совсем не для всяких непотребств. А я ведь хотела хоть разок, напоследок, чтобы знать, как это, когда совсем уносит... Антоша, правда, рядом мельтешит весь вечер, пьет мало, но вижу же краем глаза, как он все вокруг глазками щупает, взвешивает и оценивает. Вопросы наводящие опять же без конца как бы исподволь о размерах настигшей меня финансовой удачи и вид такой все более и более липкий и типа влюбленный. Противно ведь! Если ты неудачница по жизни, то и на пороге смерти тебе ничего не светит. Ни за деньги, ни задаром. Так грустно, что даже почти смешно.

Кто-то бы сказал, что я могла бы не просаживать деньги с экстренно проданной квартиры на салон красоты, тряпки и обувь, которые даже не поношу, и это бесполезное транжирство с псевдопраздником, а оставить их на какое-нибудь доброе дело. Фонду по борьбе с раком, например, ага. Медицине, что не помогла мне, но это же спасет, возможно, чью-то там другую жизнь, и ты оставишь свой след в истории человечества. Бла-бла-бла! Пусть кто-нибудь другой, очутившись на моем месте, так и сделает. Мне же и это предфинальное недovesелье, и жерт-

вание в фонды, откуда все разворуют, видится одинаково бесполезным. Когда ты смотришь на все уже практически с «той стороны», то в принципе все бесполезное и суета.

– Идем потанцуем, Машуня, – потянул меня за руку с дивана, обитого шкурой какого-то там экзотического зверюги, Антоша-липучка, но я покачала головой и вместо этого пошла к стеклянной лестнице, ведущей на крышу.

Все. С меня хватит. Это ведь, по сути, агония, которую я зачем-то растягиваю. Но, с другой стороны, происходящее вокруг сказало мне то, что я сама себе не озвучивала до сих пор из трусости, наверное. У меня нет никого, с кем было бы отчаянно жаль расстаться. Никого, кому я бы даже могла рассказать о болезни, зная, что ему не наплевать. Рядом с кем можно поплакаться и получить настоящее сочувствие, а не вежливо-дозированную, положенную в таких случаях реакцию окружающих. А разве еще недавно я сама была не точно такой же? Удобно считала, что живу так... ну потому что бабуля, обстоятельства, характер у меня такой, внешность невзрачная... а на самом деле?

Открыв прозрачную дверь, шагнула на крышу, и ветер тут же пробрал до костей, а на голову полило. Конец моей укладке. Тоже мне несчастье. Каблуки немислимой прежде стоймости туфель приглушенно цокали по здешнему покрытию, пока я шла к краю. Город поздним вечером внизу напоминал какое-то глубоководное чудовище с сотнями тысяч люминесцентных светящихся точек, некоторые из которых оставались на месте, другие непрерывно двигались, будто этот монстр, чьих истинных очертаний не различить в темноте, все время ворочался.

Тонкое блестящее платье быстро промокло и прилипло к телу, стало ужасно холодно. Разве я должна ощущать холод? Где зашкаливающий адреналин и все такое, чтобы ничего вокруг не замечать?

Балкон (или как правильно назвать это пространство в половину всей крыши?) был окружен по краю широким и довольно высоким – мне выше пояса – бетонным парапетом. Ну и как на него взобраться? Просто перевалиться на ту сторону, как неуклюжая гусеница? Как-то это...

Оглядевшись, я увидела неподалеку накрытый сейчас бассейн с подсветкой и рядом с ним пластиковые кресла. Выбрав одно из них, я потянула его к краю крыши. Черт возьми, это была совсем не та легкая дешевка, что стоит везде и всюду. Сомневаюсь, что это вообще был пластик, учитывая его слоновий вес, скорее уж, цельный кусок бетона. Туфли я потеряла в процессе этих мебельных перемещений, пальцы на ногах поджимались от холодных луж под ступнями в тонюсеньких чулках, и при этом я прямо употела. Но своей цели добилась. Выдохнув, оглянулась на ярко освещенные окна чужой квартиры, где еще орала музыка и «веселье» шло полным ходом, и решительно полезла на кресло. Сразу же раздался треск подола облегающего платья, купленного всего-то несколько часов назад как раз к «мероприятию». И оно мне реально шло – я это собственными глазами видела. Почему-то именно это обстоятельство и доконало меня. Плюхнувшись задницей на парапет, вместо того чтобы встать там в красивой позе готовой к падению угасающей звезды, я сидела под проливным дождем, сгорбившись, рыдая и размазывая по лицу слезы вперемешку с небесной водой и тоннами косметики, которую на меня наносил стилист. Да что же я за недоразумение невезучее? Даже самоубиться красиво не выходит. Буду лежать там внизу, зареванная, в разодранном платье, с размазанной косметикой и с волосами, растрепанными ветром и облепившими всю физиономию. Пугало!

– Ну и долго мне еще ждать? – раздался хриловатый незнакомый мужской голос позади, пугая меня так, что я дернулась, едва сразу не свалившись вниз.

– Ой! – взвизгнула, цепляясь за что попало. – Вы кто?

– Тебе-то какая разница? Прыгать будешь или как? Долго мне тут торчать в ожидании?

Нет, это что за хамство такое? Я что, уже и суицид должна совершать поскорее, чтобы не задерживать кого-то.

– Когда захочу, тогда и прыгну! – огрызнулась, шурясь в темноту у дальней стены, откуда со мной общался нахальный незнакомец. – Вы как сюда попали?

– Тебя это и правда волнует? Я-то думал кое-что другое.

– А что меня должно, по-вашему, волновать в такой момент?

– Скажем, благополучие твоей бессмертной души. Слышала, что самоубийц ждут всяческие бесконечные муки и все в этом роде и покоя ты не обретишь?

– А здесь у меня одно бесконечное счастье, покой и радости прямо! – возмутилась я. – Жизнь – дерьмо!

– Тут возражений не имею. Чего тогда медлишь?

– А вам-то что?

– Устал от шума. Отдохнуть хочу.

– Ну так отдыхайте. Я при чем?

– При том, что ты сейчас прыгнешь, тебя живописно по асфальту размажет, а у меня появится повод пойти к твоим друзьям и разогнать их к хренам по такому случаю и тогда уж отдохнуть в тишине. Знаешь, как бесит это постоянное умцанье дурацкой музыки за стеной, пьяное гоготание и вопли трахающихся бездельников?

– Нечего было селиться в таком месте, значит! И нет там у меня друзей. У меня вообще никого нет!

Мои глаза привыкли немного, и я стала различать у стены силуэт высокой широкоплечей мужской фигуры в куртке с низко надвинутым капюшоном.

– Мне тебя еще и пожалеть? – фыркнул мой странный собеседник. Нет, ну какая же бесчувственная скотина! Тут человеческая жизнь на волоске висит, а он...

– Да сдалась мне ваша жалость! – внезапно прорвало меня. – Я и сама справлюсь с этим! Тридцать лет почти прожила так, что сейчас и вспомнить нечего! Праздник этот тупой затеяла... на кой? Всем плевать, и мне на них тоже. Господи, хотела хоть на прощание переспать со своей школьной любовью, а он такой... смотреть тошно.

– То есть перепихнуться напоследок ты не против? – совсем чуть заинтересованно спросил незнакомец и даже сделал несколько шагов в мою сторону, пугая.

– Вы ненормальный? Я умирать собираюсь, а вы о сексе?

Захотелось сбежать, вот только как мимо него обратно прорваться?

– Ну а что такого? Сама сказала, что хотела трахнуть на прощание, а кандидат подкачал. Благородно предлагаю себя.

Пару секунд я ошарашенно хлопала глазами, силясь рассмотреть этого придурка и заодно постичь всю бесконечную тупость сложившейся ситуации. А что, все в духе постигшей меня катастрофы. Спонтанный случайный секс с незнакомцем прекрасно вписывается в сценарий. Если я смогла устроить все это дурацкое гульбище, вместо того чтобы горевать и отмаливать грехи какие-нибудь, то чего же не довести весь абсурд до абсолюта.

– А с чего это вы взяли, что подходите на роль моего последнего любовника? Откуда такая уверенность, что я и вами не окажусь разочарована.

– Поверь, если ты рассматривала на эту краткую должность любого из неудачников там внизу, то я однозначно буду лучше и каждого, и всех вместе взятых.

– Вместе? Это уже чересчур... – пробормотала я, разворачиваясь и спрыгивая обратно на крышу под новый треск своего платья. – Мои отчаянные фантазии об этом моменте групповуюшку в себя не включали.

– А что так? – Насмешка четко читалась в его голосе. Таким... ну не знаю, обволакивающим, словно манящим тебя вслушиваться в него еще и еще. – Глупо ограничивать себя в желаниях в такие моменты.

– Да не хочу я ничего подобного! – раздраженно возразила я. – Вполне будет достаточно... эм-мм... качественного соития со взрывным оргазмом.

– Да неужели? – Широкие плечи затряслись, но смеха я не расслышала. И на том спасибо. – Ладно, будет тебе качественное соитие. И оргазм тоже по высшему разряду.

– Самонадеянно обещать такое.

– Болтать будем или приступим? – деловито осведомился он.

– А-а-а... – Я оглянулась по сторонам и поежилась от дождя и ветра. – Прямо здесь?

– Обстановка, думаешь, не располагает? Я отвлеку от нее, поверь. Выбирай: на кресле этом, не зря же таскала, вид будет что надо, или можно там, у стены.

Он подступил еще ближе, и теперь я могла хотя бы разглядеть нижнюю часть его лица. Красивый, по-мужски очень резко очерченный рот, слегка искривленный в усмешке, и жесткий угловатый подбородок с затемнением короткой щетины. Он брюнет или просто кажется в темноте? Да какая, блин, разница! Меня же сейчас кое-что другое волновать должно.

– Сумасшествие, ей-богу, – поежилась я, обхватывая себя за плечи. – Холодно вообще-то.

– Ну так давай согрею. – Он вдруг очутился прямо напротив меня, и я с перепугу за малым не шарахнулась. Вроде бы мгновение назад был шаг в пяти от меня.

– Пошлово звучит, – растерянно прокомментировала я, но почему-то позволила обнять себя за талию.

Вдохнула его запах: табак, похоже, вишня, легкая полынная горечь, мокрая кожа с металлической ноткой – и действительно холод улетучился, а по телу ручейками потекло тепло. Как если бы я от души глотнула крепкого алкоголя.

– Хм-м... качественное соитие звучит, по-твоему, не пошло? – уточнил он, и твердая грудь перед моей дрогнула, а широкая ладонь мягко, но уверенно прошла сначала вверх до затылка, мимолетно расслабляюще помассировав там, а потом неторопливо обратно вдоль позвоночника, пока не обхватила одну ягодицу. Без лишнего вкрадчивого трепета, но создавая впечатление, что этот мужчина точно знает, как прикасаться к женскому телу.

– Причем тут пошлость, если я просто сразу озвучиваю свои ожидания от... процесса, – пробухтела я, неумолимо расслабляясь от контакта и аромата, пусть еще ничего и не произошло толком. – Разве мы не должны для начала хоть немного ближе познакомиться? Ох...

Легко, как совсем невесомую, он подхватил меня, лишая опоры под ногами и вынуждая тем самым обвить руками его шею, а ногами – бедра, и в несколько широких шагов донес до стены. Холод только на пару вдохов обжег промокшую спину, а потом исчез, изгнанный его вжавшим меня в твердую преграду сильным телом. Ух ты, это так потрясающе – ощутить себя легкой и хрупкой! За одно это я уже чуточку прониклась благодарностью к этому своему спонтанному секс-приключению.

– Так достаточно близко? – защекотало его дыхание мочку моего уха, и того самого эфемерного алкоголя, создающего невесомость в сознании, стало в крови много больше.

– Я имела в виду представиться.

– Совершенно излишне, учитывая обстоятельства. – Сдвинув носом прилипшие к моей шее мокрые пряди, он приложился горячими губами к шее и совсем чуть двинул своими бедрами, дав прочувствовать, что между моими вжимается... кое-что весомое и, судя по всему, уже готовое к употреблению.

Я же, к сожалению, что-то не была пока готова перейти к непосредственным активным действиям так сразу. Поэтому, когда его ладони скользнули под подол моего платья, неловко заерзала.

– А как же прелюдия?

Нет, я ощущала возбуждение, хотя бы от самого факта шокирующей необычности происходящего, но этого было, на мой взгляд, недостаточно, чтобы взять и забыть вообще обо всем вокруг и о том, что я и лица-то его еще не рассмотрела. Хотя и он явно не стремился меня рассматривать.

– Просто расслабься, и все получится само собой.

– Расслабься... ага. – Я закрыла глаза, начав себя убеждать, что все идет как надо. Видно же – у мужчины опыт в таких делах, а у меня его нет, так что...

– А средства контрацепции у тебя есть? – выскочило у меня непроизвольно, как раз когда его рот добрался до моего соска сквозь тонкую ткань, а возвратно-поступательные толчки таза приобрели устойчивый ритм, от которого поплыло в голове.

Мой случайный партнер замер и отстранился.

– Серьезно? – изумленно спросил он, а я наконец-то смогла увидеть, на что, точнее, на кого подписалась. И... ух ты! Он был потрясающий. Никогда мужчина вроде него не находился так близко ко мне... ну в прежней жизни. Даже в одном со мной помещении. От этого лица и мрачного жгучего взгляда перехватывало дух. – Ты собираешься сигануть с крыши, сразу как мы закончим, и спрашиваешь меня о чертовых презервативах? Где, блин, логика?

– В том, что привело меня туда, где я нахожусь прямо сейчас, – я завозилась, напоминая обоим, что практически сижу верхом на его готовом к бою достоинстве, – нет никакой логики.

Он покачал головой, вытащил правую руку из-под моего платья и тщательно и аккуратно убрал с лица мокрые волосы, что наверняка делали меня похожей на девочку-страшилку из одного ужастика, и вдруг вздрогнул, напрягся весь так сильно, что давление, вжимающее меня в стену, стало болезненным.

– Ты! – вскрикнул непонятно, то ли спрашивая, то ли утверждая, всхрипнул, будто у него случилось краткое удушье, и внезапно впился в мой рот своим, шокируя яростью напора.

Поцелуй этот был таким отчаянно свирепым, каким-то истинно собственническим. Не сказать, что у меня обширный опыт, но его хватило, чтобы понять: так не целуют впервые или случайных людей. Только кого-то своего, того, кто ближе некуда, с кем делал это множество раз и нуждаешься в повторении снова и снова. Чей ответ и безоговорочное согласие на подобное неистовство тебе прекрасно известны. До боли, до вкуса соли от треснувших губ, что способны отпугнуть с непривычки, показаться едва ли не насилием, жестокостью, являясь на самом деле отчаянной жадью. Поцелуй-поглощение с не менее неистовой отдачей. И от него меня «унесло» начисто. Разум со всеми своими заморочками, чувством времени, пространства, холода, тепла, правильности или чужеродности испарился. Я целовала его в ответ, жестко, до укусов, цепляясь, ломая ногти, сжимала кольцом ноги, терлась грудью, промежностью, извивалась, как ополоумевшая. Лишь на пару секунд он отстранился, порывисто протиснул ладонь между нами, чтобы освободить себя и дернуть в сторону мое белье. Проникновение вышло несколько не деликатным, но было все равно. Не давая мне привыкнуть к почти чрезмерной наполненности, он стал буквально вколачивать себя в меня, содрогаясь, захлебываясь дыханием, шепча и рыча что-то. Мне ни слова было уже не разобрать, потому что накрыло меня едва ли не через десяток его мощных толчков. Глаза закатились, легкие жгло от крика, мышцы сошли с ума, позвоночник пылал. Едва первая сокрушительная волна пошла на спад, я распахнула глаза, чтобы встретиться с его пугающе пристальным взглядом на искаженном собственным удовольствием божественно прекрасном лице. Мой умопомрачительный любовник застыл, словно диким усилием сдерживая наступление эйфории и страдая от этого безумно.

– Пусть так... – прорычал он и ударил бедрами снова, одновременно впиваясь в изгиб моей шеи... клыками?

Я истошно заорала от страха и боли, которых, однако было недостаточно для того, чтобы остановить новую волну оргазма, накрывшую меня. А рот мне он заткнул, прижав к нему свое разодранное запястье. Кровь хлестала из него, и как бы я ни боролась, силясь стиснуть челюсти, выходило только хуже. Мне приходилось сглатывать густую, сладко-соленую, горячую жидкость, захлебываясь, пока он пил и пил из меня огромными жадными глотками. В голове опустело, зазвенело, тело стало ватным и сознание померкло.

Глава 6

Вот уже сколько часов подряд я, не отрываясь и едва дыша, пялился на обнаженную женщину на моей кровати, не в силах справиться с потрясением. Боясь хоть на секунду отвести глаза из страха, что это всего лишь галлюцинация и моя Лори исчезнет, если хоть моргну.

Это не Лори!

Держи все время в голове, мужик! Голос разума, который то и дело посылала на хер картинка, что я видел. Каждая черта лица, мягкие изгибы тела, форма ладоней, пальцев, узкие лодыжки, роскошные бедра – все это было ее. Никакая копия, двойник не может быть похожим настолько. До мелочей, до этого неповторимого, еле уловимого оттенка серебра в русых прядях, маленькой родинки под подбородком, которую можно заметить, только когда ее голова запрокинута, как сейчас, во сне или в экстазе. Сколько раз ее вид становился и моей последней каплей, отправляя в собственную эйфорию, вместе с тягучими сжатиями ее лона и финальными стонами. Ведь даже это было точно таким же, как я помнил. Войти в нее было как вернуться домой после долгого-долгого изнурившего чуть не до смерти пути. Вогнать себя в нее разом, поддаваясь извечному страстному нетерпению моей возлюбленной и своему бесконечно бушующему по ней плотскому голоду.

Это не Лоралин!!!

Но выглядит, как она, пахнет, как она, ощущается, как она, целовала меня беспощадно и яростно, как она! Кусаясь, поглощая жадно, требуя все, что могу ей дать, предъявляя права цепкими объятиями как на своего. Вбирая в себя с полной готовностью, не приноравливаясь, как если бы я лишь на краткое мгновение покинул сладкий плен ее тела и тут же вернулся, осознав, насколько был глуп, сделав это.

Может, я рехнулся? Выдаю желаемое за действительное? Тоска по возлюбленной все же доконала меня, а память услужливо ей подыгрывает, подстраивая в своих глубинах образ из прошлого под то, что предстало передо мной ныне?

Черта с два! Я не забыл ни единой черточкой – это же просто невозможно! Нельзя забыть хоть что-то о той, кого любил так долго и неистово. О той, что струится по твоим венам вместе с...

Кровь. Да, точно. Это не моя Лори. Не моя.

У покусавших меня перевертышей, может, зубы были в каком-нибудь ядовитом дерьме и поэтому мне все это мерещится?

Сдав Алису Касьяну, я перенесся домой и первым делом отыскал в ящике тумбы у входа визитку Макса, которую он демонстративно оставил, уходя, полыхая от ярости. Моя гордая несчастная кошка сто раз грозила ее выкинуть, но так и не сделала этого.

Набрал номер мрачного оборотня и долго слушал гудки.

– Кто? – рявкнул наконец знакомый грубый голос несколько не дружелюбно.

– Я.

– Глеб? – Я скривился. Макс будто нарочно называл меня всегда по имени, забывая на то, что для своих я исключительно «Рубль», а для посторонних – господин Рублев.

– Он самый. Слушай, Алиса меня, конечно, прибьет, если... когда... когда очнется, но я бы на твоём месте смотался к лекарю Касьяну. Жизнь – такая сука... ну чтобы не жалеть потом.

– Спасибо, – сухо ответил мой собеседник и сразу отключился.

– Ну вот я и обеспечил себе пару часов твоих упреков и воплей, Алиса, – сказал намеренно громко, посмотрев в направлении ее спальни на втором этаже квартиры. – Поэтому ты просто обязана выжить, чтобы устроить мне чих-пых.

За стеной опять шла гулянка полным ходом, и это внезапно достало меня. Тупые, близорукие, эгоистичные людишки, которым глубоко по хрен на все, кроме собственных сиюминут-

ных удовольствий. Им дела нет, что, пока они тут глаза заливают и сношаются, кто-то рядом чуть не погиб, сводя приносимый им ущерб к минимуму.

Вышел на свою половину крыши, перенесся на соседскую, подставившись под холодный ливень, позволяя ему, словно душу, смыть с себя кровь и запах поверженных противников. Встал у разделительной стены, глядя на ярко освещенную квартиру с пьяными бездельниками внизу и спрашивая себя, чего сюда приперся. Что собирался делать? Ворваться, страшно оскалившись, сверкая красными глазами и выставив когти, чтобы они там все обосрались и сбежали куда глаза глядят? Идиотизм. Еще поубиваются. Можно, конечно, внушить им всем желание срочно разойтись, но там было человек двадцать, и потом мне срочно нужно будет из кого-то пить – сил ментальное воздействие отнимает ого-го сколько. По всякому выходило, что мне проще плюнуть, как обычно, и пойти нормально помыться и спать.

Едва собрался вернуться, на крышу вышла женщина, окруженная аурой смертельной болезни, как коконом. И судя по тому, что этот самый кокон лип вплотную к ее коже и даже вроде просачивался сквозь нее, времени ей осталось всего-ничего.

Обреченная девица, вся расфуфыренная, неуклюже цокающая на высоченных каблуках незаметно покидает вечеринку и выбирается на крышу высотки. Сейчас точно соберется сигануть.

Пока я еще размышлял, уйти или остаться, она приперла от бассейна тяжеленное кресло. Хм, вот и зачем эти сложности? Чисто женская ерунда. Хочешь реально убиться – вались через паранет, и дело с концом. Может, ждет, что ее кто останавливать придет?

Взобравшись на бетонную преграду, незнакомка села и вдруг разревелась. Хорошо хоть ветер дул от меня – терпеть вообще не могу запаха женских слез.

Зачем заговорил с ней, а не ушел просто, дав довести задуманное до конца? Теперь уже никакой демон в этом не разберется. Куда как важнее, к чему это привело. К поступку, с последствиями которого я понятия не имел что делать.

Проклятье, это был импульс, удар молнии, нечто почти рефлекторное, как потребность бороться всеми силами за следующий вдох в момент удушья. Я обратил ее раньше, чем позволил хоть одной разумной мысли высказаться против подобного.

Я хотел мою Лори назад. И насколько сильно, осознал, только увидев ее лицо снова перед собой. Дальше все было с моим участием, но все же мимо мозга. Вернуть себе возлюбленную хоть так... Чудовищный самообман. Это я понимал яснее некуда на рассудочном уровне, но глаза говорили об обратном, все тело ныло и пело в приветствии давно утерянного, такого неистово желанного. Опять ощущать, как это: брать мою Лоралин и принадлежать ей. Это было мощнее всякой правды.

– Это не моя Лори, – прохрипел я вслух, будто так мог убедить себя хотя бы отвернуться.

Черта с два. Вид ее обнаженного и вымытого трясущимися от трепета ежесекундного узнавания руками тела и лица опрокидывал, разбивал в пыль мои жалкие попытки оторваться от созерцания и на миг. На самом деле, все мои силы сейчас уходили лишь на то, чтобы не перебраться на постель и не исцеловать ее даже вот такую, еще недвижимую после обращения, от пальцев ног до макушки, упиваясь этим лживым счастьем узнавания, возвращения в пространство прежней радости. Меня аж потряхивало от необходимости истрогать ее всю.

– Не Лори, – пробормотал, продолжая малодушно упиваться кайфом от одной только возможности смотреть. Слова мне не помогали. Они ничто, когда я вижу перед собой эту грудь с темно-розовыми сосками, изгиб шеи, развилку бедер, в которую зарывался лицом сотни раз. И сделаю это снова, умирая от наслаждения вкусом.

Да, я знаю, что кара последует. Она очнется, и не будет женщиной, которую я храню в памяти, которую вижу в ней. Не тот голос, не та кровь. Но сейчас, когда она молчит... И я так безумно давно пробовал кровь Лоралин, еще когда сам проходил через обращение, я ведь мог забыть...

– Идиот! Мертвые не возвращаются! – озлился на себя, но толку-то.

Я хочу, чтобы это была она, хочу просто отчаянно! И я ведь смогу простить ей отличия? Смогу продолжить обманывать себя?

– О чем ты думаешь, придурок, – зашипел себе под нос. – Будто эта женщина действительно нуждается в твоём прощении за то, что она не твоя возлюбленная. Что ты, гад, натворил вообще? Нельзя этого было делать! Нельзя ни по какой причине.

Или все же можно? Внутри все так похолодело, что я себе показался куском льда. Если я вижу в ней Лори, то и он... Неужели эта бедняжка – шанс остановить его? Закончить все это дерьмо?

– Я такая бездушная тварь, но ведь это никакая не новость.

Глава 7

Мое пробуждение было внезапным. Будто, упав в ледяную воду, я потеряла способность дышать от шока, а теперь, вернувшись в сознание, начала, захлебываясь, хапать воздух, молотя в панике руками и ногами по чему-то мягкому и лупая глазами в темноту.

– Тише, это ощущение удушья обманчиво и сейчас пройдет, – раздался где-то поблизости уже знакомый мужской голос с хрипотцой сейчас, как после слишком долгого молчания.

Зыркнув в направлении звука, я увидела его... того самого, который...

Заорав... ну ладно, на деле – засипев, я дернулась в сторону, обнаружив, что лежу на огромной кровати голышом, даже ничем не прикрытая, как нарочно выставленная в таком непотребном виде на обозрение, а покусавший меня псих сидит рядом в глубоком кресле, пялясь на меня своими глазами – темными провалами на фоне бледного пятна его лица. Жуть-то какая!

– Осторожнее, ты навредишь себе, – подался он в мою сторону, напугав еще сильнее, и с кровати я таки свалилась, хлопая себя в панике по груди.

– Наврежу? – Ушам своим не верю! – Ты мне в шею вцепился! До крови! В смысле – она так и хлестала!

– Так и задумывалось, – кивнул он невозмутимо, поднимаясь, а я, вскочив на ноги, шарахнулась подальше, слава богу ни на что не налетев в потемках. – Не бойся, я не опасен для тебя.

– Ты пил мою кровь! Фу, гадость! – Я схватилась за то самое место на шее, судорожно нащупывая рану и не находя ее отчего-то, а мой живот вдруг свело, но совсем не от отвращения, хотя самое время. – И заставил меня пить твою!

– Вряд ли ты бы согласилась добровольно в первый раз, – снова кивнул он, но, вместо того чтобы подойти, наоборот, отошел подальше, и я уже не могла даже угадать выражение его лица.

– Да я ни в какой раз бы не согласилась! Ты какой-то ненормальный, из тех, кто подцепил ужасную болячку и теперь старается заразить ею побольше людей вокруг? Или сектант-сатанист? Или из тех психов, что вечно красят волосы в дикие цвета, одеваются в черное и носят накладные клыки, возомнив себя вампирами?

– Это все твои версии или еще будут?

– Будет заявление в органы! – ляпнула вгорячах, но тут же подумала, что это глупо. Зачем меня отпускать, если побегу в полицию. – Будет, если меня не выпустят отсюда сию же минуту.

Помещение, в котором мы находились, было очень большим и темным, и в нем располагались кровать и кресло, и еще что-то вроде комода угадывалось по очертаниям, и на этом все, что я могла пока рассмотреть, потому как боялась упускать из виду любителя похлепать чужой кровушки, пусть он и прикидывался сейчас частью интерьера в темном углу.

– Хм, и что, интересно, намерена заявить властям? – уточнил он, медленно перемещаясь, почти проплывая по своей стороне комнаты.

Послышалось шуршание, и вслед за тем, как он шел вдоль стены, стали плавно раздвигаться очень плотные шторы, открывая вид на огромные окна от пола до потолка, за которыми наблюдался серый дождливый рассвет. Стало намного светлее, но от этого ничуть не менее страшно. И странно. Потому как настойчивое ощупывание никаких вообще признаков недавних повреждений не обнаружило. А что если у меня начались те самые галлюцинации, о которых предупреждал доктор? Пусть так, но, однако же, я очнулась не на той самой крыше, куда сто процентов поднималась, и не внизу в съемном пентхаусе, в крайнем случае, а в каком-то логове упыря.

– Я найду, что сказать, – пробубнила, узрев наконец, где тут дверь. – Одежда моя где?

– Платье я выбросил – оно безнадежно было испорчено.

Ага, улики, значит, уничтожаем.

– Все, что еще нашел, вон там, – псих кровососущий указал на еще одно кресло с горой пакетов, в которых я, присмотревшись, опознала все свои последние бесполезные покупки из дорогих бутиков. – Но тебе нельзя уходить.

– Кто это сказал? – ошетибилась я, начав бочком передвигаться к обнаруженному выходу.

– Твоя новая природа. Выходить на улицу сейчас смертельно опасно для тебя.

– С какой стати?

– А с какой стати мне было осушать тебя и поить своей кровью? Есть разумное объяснение, помимо всякой чуши про секту, больного психа, или что там еще тебе в голову приходило?

– У того, что кто-то берет и вцепляется накладными клыками в чью-то шею, не существует разумных объяснений. Это действие противоречит понятию разумности в принципе.

– Только если этот кто-то не вампир и не питается этой самой кровью, да? И, между прочим, все свое, родное, можешь подойти и потрогать, и я не так уж и вцеплялся, сделал это максимально безболезненно и нетравматично для тебя.

– Вампиры – выдумка. Максимум больные люди с... как же там оно называется?

– Порфирия, – услужливо подсказал мне чокнутый.

– Вот! Я видела передачу о таких больных. И, к сведенью, это была моя шея, так что мне лучше знать, было ли это безболезненно...

– Ты всегда кончаешь от боли?

– Что? – Вместо возмущенного вопля вышло какое-то сдавленное карканье, а от стыда аж в жар кинуло. – Да при чем тут... Я не буду об этом говорить! Что бы там ты себе ни придумывал, но я не давала тебе право кусать меня и, возможно, заражать черт-те чем, от чего я могу...

– Перестань! Нам обоим известно, что ты была смертельно больна и собиралась совершить суицид.

– Откуда ты... Что значит «была больна»?

– Больше нет. Те самые выдуманные вампиры, к которым ты теперь тоже относишься, не болеют ничем. Можешь не благодарить, просто успокойся, посети удобства и покормись уже от меня, или твой голод свернет мне мозги набекрень.

Я автоматически открыла рот для очередного возражения, но оно застряло где-то в глубинах пораженного новым шоком мозга. Это было похоже на короткое замыкание. Мне толком-то вот прям до всей глубины души, до доньшка не удалось поверить в свою обреченность после того, как узнала о диагнозе. Тот момент, когда разумом знаешь, но соглашаться отказываешься. А тут это. Вероятно, нормальный человек сначала обрадовался бы. Я же, уже осознав собственную несовместимость с таким понятием, как везение, разозлилась.

– Знаешь, я слыхала о том, что существуют люди, для которых нет ничего святого, но вот живую сталкиваюсь впервые, – процедила с горечью. – Тебе что, вообще никакие нормы морали не знакомы?

Одно хорошо. Злость освободила от сковывавшего страха, и я решительно направилась к горе шмоток, выхватив первое попавшееся платье из пакета и начав натягивать его прямо на голое тело. Не теряя из виду так и торчащего столбом бессовестного гада и заодно выискивая глазами что-то в качестве оружия, если он все же бросится. Ага, вон в дальнем углу камин, не газовая имитация, а самый настоящий, и рядом на специальной подставке повешены кованые принадлежности явно с приличным весом.

– Я тебе все же рекомендовал бы принять душ. Я тебя тщательно обтер, но кровь так трудно отмывается, и это вряд ли заменит качественное купание.

– То есть пока я тут по твоей же вине без сознания валялась, ты над моим телом как хотел глумился? – передернулась я.

– Помыл, всего лишь помыл. Кровь, высохшая на коже, – крайне неприятное ощущение.
– Псих, впивающийся тебе в глотку во время первого и последнего твоего случайного секса – вот действительно неприятное ощущение.

– Тут, думаю, правильнее будет назвать это событием, а не ощущением. И я чрезвычайно польщен.

– Не-а, – наплевав на обувь, я стала пятиться к выходу из огромной спальни. – Не вступать в разговоры тогда было правильным и не продолжать эту бессмысленную болтовню сейчас. И никакое ты не событие! Нечем тебе гордиться. Очередное разочарование, надо было сразу прыгать и не тратьте...

– Ложь как защита и реакция на смущение нормальна.

Ох, вы поглядите – тут у нас псих с замашками психолога. Оксюморон какой-то.

– Ладно, как бы там ни было, но я ухожу, если ты не против.

– Я – против.

– «Если ты не против» – просто устойчивое выражение, а не просьба о разреше... – Слово повисло неоконченным, потому как мой нежеланный собеседник исчез. На полном серьезе. Вот только что стоял в своем темном углу, и раз! – нет его.

– И тем не менее я против! – раздалось над самым моим ухом.

С воплем я кинулась вперед, перескочила через кровать и рванула к окну. По крайней мере, стану орать как резанная в него.

– Стоп! – сильная, как полоса гибкой стали, рука обвила мою талию, останавливая на бегу в полушаге от прямоугольного пятна света на полу, падающего из окна, а вот прямо весь мой чокнутый похититель прижался ко мне со спины. Говоря «прямо весь», я именно это и имела в виду. Казалось, он приник к моим изгибам и коже в максимально-непостижимом количестве мест, да еще и на секунду уткнулся лицом в шею и вдохнул глубоко и протяжно, будто делая долгий глоток. У меня все внутри сжалось. Опять укусит сейчас?

Что самое иррациональное и ужасное? Мне стало не только и не столько страшно, сколько странно – все интимные мышцы мощно сократились, вмазав по моим легким, сердцу, мозгу взрывом сокрушительного жара. Такого сильного, что мои колени забастовали, отказываясь служить надежной опорой.

– Мы бы могли еще долго с тобой препираться, и я ни за что на свете не хочу причинять тебе и малейшей боли, но нужно поставить точку в бессмысленном споре и заодно уберечь тебя от спонтанных опасных действий.

Его вторая ладонь легла мне на плечо, мягко, я бы сказала, нежно и чувственно, если бы не дикость ситуации, скользнула неторопливо по всей длине руки, почти лаская и порождая сотни мурашек, и добралась до моей кисти. Не встретив у остолбеневшей меня никакого сопротивления, мой хватчик переплел наши пальцы, как будто мы романтические влюбленные, и медленно поднял сцепленные конечности, позволяя им попасть в зону, освещенную невидимым за облаками солнцем.

Боль появилась не сразу, я сначала даже увидела собственную, стремительно краснеющую кожу и первый вздувшийся волдырь, как от ожога, а только потом накатило жжение.

– Этого достаточно! – прежде чем я закричала от боли, этот... вампир, ага, отдернул меня подальше от света, подтаскивая обратно к постели.

– Это что-то... Как же так? – перестав шипеть от быстро проходящего ощущения, что сунула руку в кипяток, пробормотала я, уставившись на ужасно выглядящую кожу.

От шока у меня, похоже, и нервная система забарахлила, потому что болело куда как меньше, чем, по идее, должно было, а желудок снова взбунтовался. Испытывать голод в таких обстоятельствах – это уже нечто.

– Ты должна попить из меня, и все мигом пройдет, – торопливо произнес мужчина, усаживая меня на край кровати и вставая передо мной на колени, так что наши лица очутились

напротив. Божечки, как же он красив все-таки, как жаль, что он псих. Или что я уже окончательно сбрендила.

– Почему мне такой, как ты, хоть разок в этой жизни не обломился, когда я была здорова и с головой в порядке? – шепотом спросила его, скользя рассеянным взглядом по линии бровей и прямому носу к губам. – Ведь сейчас ты, скорее всего, просто мой глюк, как и все, что между нами происходит.

Голова начала кружиться, запах от него исходил реально вкусный, десны зачесались, создавая под верхней губой непривычную тесноту, и что-то укололо нижнюю. Мой потрясающе прекрасный кошмар наклонился ближе ко мне, мелькнул длинный острый, как бритва, ноготь, а точнее, коготь на длинном пальце, и на мой подбородок брызнуло нечто горячее, ароматное.

– Нет! – попыталась я отшатнуться, не в силах преодолеть последние крохи отвращения, хотя голод во мне взревел с бешеной мощностью, толкая в противоположную сторону, к нему, к источнику силы.

– Так нужно! – Ладонь властно легла на мой затылок, и выбора не осталось: или глотать, или захлебнуться.

Сознание раскололось: одна половина истерила, вопя, насколько же это ненормально, а вторая ликовала, насыщаясь непривычным, но умопомрачительно приятным образом, наслаждаясь прокатывающимися по телу судорогами удовольствия, так похожего на мини-оргазмы, пока и вовсе все не померкло.

Глава 8

Не Лори! Не-Лори-не-Лори-не-Лори! Я твердил это себе едва ли не вслух, еле сдерживая мощную дрожь, что раскачивала все мое тело изнутри от ощущения губ незнакомки на моей коже, от звука ее глотков, каждый из которых едва не сбрасывал меня в неистовство оргазма.

Не она... но как же ошеломительно, неимоверно приятно снова испытывать это знакомое ощущение держать ее в своих объятиях, узнавая каждый любимый изгиб, пока она насыщается и медленно обмякает, охваченная сытой сонливостью. Кормить свою возлюбленную, отдавать ей добытую тобой у других жизненную силу – вот истинное наслаждение для мужчин того вида, коим я являюсь гораздо дольше, чем был человеком. Я уже крайне смутно припоминаю эту свою «первую жизнь». Не помню большую часть событий, чувств, не испытываю тоски по давно умершим близким. Хотя их у меня, по сути, и не было. Бастард, плод грешной страсти заезжей оперной дивы и князя Алтуфьева, не нужный ни ей, ни ему – вот кем я был от рождения. Подброшен еще в пеленках на порог отца, так как у матери не было ни сил, ни желания прерывать свою веселую, легкую жизнь, полную богатых и щедрых поклонников, где бы она ни гастролировала. Ведь молодость и красота так быстро увядают – нужно успеть взять от жизни все, а потом осесть с каким-нибудь глуповатым, но состоятельным бургером в глубинке, где никто не в курсе ее походов. И внебрачный ребенок не был уместен ни на одном из этапов ее жизненного плана.

Но и отцу я был как кость в горле. Точнее, ему бы на меня было и вовсе наплевать. Нет ничего проще – пристроить в семью крестьян и подкидывать на содержание убудка, но его жена была страшно ревнива. И пусть и знала, что у него таких вот детей вроде меня и от прислуги хватает, потому как папаша был тот еще блудливый кобель, а жена его в постели холоднее льдины, но именно я ее бесил особенно сильно, и, сберегая свои драгоценные княжеские нервы, он в шесть лет спровадил меня жить в дом своего друга – графа Кононова.

С матерью я, получается, не виделся никогда, отец мелькал периодически – приезжал навещать своего приятеля и едва кивал мне, когда попадался на глаза среди прислуги. Разве что передавал через посыльных деньги, и на том спасибо. Никакая не трагедия для кого-то, рожденного в те далекие времена. Обычное дело. Не о чем вспоминать.

Самое мое первое яркое воспоминание – это встреча с Лоралин. Несчастливая, подвергшаяся жестокому грабежу, в результате которого погибли ее сопровождающие и прислуга, странствующая аристократка. Испуганная и божественно прекрасная для меня. И пусть много позже я узнал, что никакого нападения не было. Она просто решила, что пора полностью поменять жизнь и окружение, пока ее неувядающая молодость и красота не стали казаться странными. Но к тому времени я уже был ею обращен, без памяти любил, сам сделал бы все что угодно и не мог осуждать за случайные жертвы. То была суровая необходимость ради выживания вампира, а человеческая жизнь в те времена ценилась куда меньше, чем сейчас. Хотя о чем это я? Она и ныне ничто, особенно для мира нечисти. Главное, чтобы все было шито-крыто и не привлекало ненужного внимания.

Незнакомка на кровати шевельнулась, и я подался к ней, изучая состояние. Заодно в какой уже по счету раз силясь найти отличие от моей погибшей любви. Бесполезно. Пока она оставалась вот такой недвижимой, безмятежно спящей и молчаливой, не было ни единой зацепки, что помогла бы мне отринуть наваждение. Зато в сознании она однозначно отличалась. Даже тот самый жест – стыдливо прикрыться хоть как-то от моего наглого разглядывая руками – был абсолютно не свойственен Лори. Никакого смущения, ни притворного, ни настоящего, никогда. Она обожала возбуждать, привлекать жадные вождедеющие взгляды, купалась в похоти, кажется, никогда этим не пресыщаясь. Обстоятельство, стоившее мне множества ревностных терзаний и боли, но не умалявшего любви. Ведь наши правила были честными,

однозначными и неизменными изначально: я – тот, кто существует для нее во всех смыслах, а не иначе. Я ее творение, птенец, избранный из сотен и сотен страстно желающих любовник, защитник, кормилец, а она – источник моих бесконечных наслаждений, та, что одарила тем, за что мне ей вовек не отплатить. Никогда мне это не казалось несправедливым... почти никогда. Ведь я был девятнадцатилетним дворовым мальчишкой, никем, прислугой, единственным достоинством которого была смазливая внешность, а она... она выбрала меня и возвысила.

Не-Лори снова шевельнулась, совсем чуть-чуть, но все же напоминая мне о том, что день промелькнул незаметно и через какие-то несколько часов она проснется и будет снова зверски голодна. Вот это состояние лютого голода я уже прекрасно помнил. Ведь то были восхитительнейшие моменты, которые не повторялись никогда больше. Вампир мужского пола пьет из обратившей его женщины лишь пока происходит сам процесс обращения до завершения, совсем не мгновенный и даже не быстрый, в отличие от глупых выдумок в романах.

Наскоро проверил действие охранных и запирающих заклятий на всех окнах и дверях, и не только тех, что ведут наружу. Беспечным людям невдомек, что каждый оконный и дверной проем подобен заготовке портала для тех, кто владеет искусством открывать их. И кое-кому не нужно никаких легендарных первых приглашений войти. Личных трений с нечистью подобного толка у меня еще не происходило, но кто сказал, что некто, кому я перешел дорогу, не наймет-призовет-принудит их, дабы устроить мне «сюрприз». Так что сразу же после заселения я не пожалел ой какую немалую сумму плюс еще и несколько «особенных» услуг для одного очень сильного мага, чтобы превратить свое новое городское прибежище в настоящую нерушимую крепость, пусть внешне об этом ни за что было не догадаться.

Выйдя на балкон, несколько секунд смотрел вниз на город в рано сгущающихся весенних сумерках, а потом перенесся на один хорошо известный мне пустырь позади большого приземистого здания, обнесенного совсем неспроста очень высоким забором. Нарочно не скрывая себя никаким мороком, постоял там неподвижно минут пять, вполне, на мой взгляд, достаточные для того, чтобы меня не только увидели, но и хорошенько рассмотрели. Для большей ясности я, еще когда пошел по направлению ко входу в бывший производственный корпус, переоборудованный теперь в весьма особенный и, к моему сожалению, все более популярный клуб, демонстративно вытащил из нагрудных ножен единственный прихваченный с собой кинжал. Высоко поднял обе руки, показывая тем, кто уже встречал меня, что не кровавую бойню пришел устроить. Мне просто нужно быстро «заправиться» кровью и вернуться обратно.

Тяжелая железная дверь, ржавая и скрипучая, создающая нарочитое впечатление давно не используемой, стала открываться еще до того, как я совсем приблизился. В дверном проеме появилась Наталья Мухина собственной персоной, здешняя хозяйка, а за ее спиной маячили мрачными тенями оба ее кормильца и защитника: Андрей и более юный, и оттого нервный, Маркус – недавнее творение госпожи Мухиной.

– У меня не происходит ничего, что заставило бы тебя явиться, Рубль! – без приветствия начала Наталья, проходясь по мне цепким тревожным взглядом.

Высокая, статная брюнетка с весьма щедрыми формами и красивым лицом, которое не портила явная печать порочности и сластолюбия. В свое время она делала мне предложение о сближении, но я отказался. Когда в спальне совсем уж проходной двор – это для меня чересчур. Если я и терпел ветреность Лоралин, то лишь потому, что она была моей создательницей и не в моем праве было менять изначальные правила. Инстинкт диктует женщинам-вампирам обзаводиться достаточным количеством кормильцев и защитников. А новообращенный, каким был я, практически не в состоянии потянуть все эти обязанности в одиночку. А к тому времени, когда я смог... у меня уже не было Лори.

– Почти эту же фразу я слышал буквально на днях, а после этого оказалось, что один посчитавший себя слишком умным оборотень наплодил целую кучу неполноценных и собрался устроить дележку власти и территории с Галактионовым.

– Я слышала об этом. – Голос ее уже не звенел откровенной недружелюбностью. – Я сожалею о твоей ко...

– Алиса в порядке! – оборвал я ее. – И я пришел не с целью доставить тебе неприятности, Нат. Мне просто необходимо быстро и обильно поесть.

Нужно было видеть выражение изумления на лице вампирши. Ну да, до сих пор я никогда не прибегал к услугам ее человеческих кормильцев и вообще не скрывал своего негативного к этому отношения. Считал, что добровольность этих людей очень-очень условна, примерно как у наркоманов, которые вроде всегда по своей воле бегут за новой дозой, но, по сути, гонит их туда тяжкий смертельный недуг. «Подсесть» на тот кайф, что приносили «ласковые» укусы, было проще простого, а вот избавиться от этого пристрастия почти невозможно.

– Я даже не знаю... ты ведь против того, как у меня все тут происходит, – замялась Мухина.

– Мне нужно только питание, ничего кроме этого, – уточнил я.

– В том-то и проблема. Кормильцы же сюда не за деньгами приходят, сам понимаешь. Ладно, пообещай, что никого внутри не тронешь, чтобы там тебе ни показалось, и мы найдем тебе кого-нибудь быстренько.

– Двоих, – добавил я конкретики.

И без того круто изогнутые брови Натальи взлетели чуть не до корней волос, а ее молчаливо стоявшие мужчины оживленно замялись.

– Ты кормишь кого-то? – от удивления Наталья перешла почти на визг. – Seriously, Рубль? Какого черта, я ведь предлагала тебе...

Ладно, возможно, это было не удивление, а возмущение.

– Наташа... – начал Маркус с явным упреком в тоне, но она шикнула на него, как на непослушного пса.

– Вот потому-то я и не согласился, – усмехнулся я, покачав головой.

– Ну и дурак! – рыкнула вампирша, показав мне острия своих клыков в злом оскале. – Заходи, накормим. Двойная оплата.

– Как скажешь, – кивнул я и двинулся за ней следом, с каждым шагом все больше погружаясь в грохот тяжелой музыки и в густой, тягучий коктейль из смрада сигаретного дыма, похоти людей и нечисти, с резкой горькой ноткой страха и ненависти, мгновенно возникшей в толпе при моем появлении.

– Подожди лучше тут, – указала Мухина на затемненную нишу в стене для уединения. – А то половину посетителей мне распугаешь.

– Бу! – щелкнул я зубами в сторону уставившейся на меня компании молодых инкубов. Такие, не обрета полной силы в юности, частенько промышляли тем, что, вот так сбившись в стайку, подчиняли волю одной бедолаги и «высасывали» ее подчистую, не умея еще вовремя останавливаться. А потом в лучшем случае ту ждали психбольница и пожизненные приступы жесточайшей депрессии. Но обычно исход был один – самоубийство. – Злой Рубль не трогает тех, кто ведет себя по всем правилам.

«Смешно. Сам ведь свои прямо сейчас нарушаю», – подумал, наблюдая, как инкубский молодняк резво теряется в толпе.

Лиц парня и девушки, которых минут через десять привела ко мне Наталья, я постарался не запоминать. Они и так уже пахли оба возбуждением, хотя были предупреждены, что ничего приятного им со мной не светит. С инстинктивной реакцией, выработанной неоднократно впрыскиванием в сознание ментальных эндорфинов, ничего не поделать. На мгновение у меня было искушение отплатить им за кровь ожидаемым удовольствием – я ведь сотни раз делал это раньше со случайными жертвами. Но тем однократная случайность и отличается от систематического употребления этой нашей внушаемой вампирской наркоты. Об одном разе с легкостью можно забыть, а вот для этих двоих уже выхода не было.

Сытый настолько, насколько не бывал уже давным-давно, я махнул Наталье, хищной птицей наблюдавшей за мной и все больше нервировавшей этим своих защитников, и направился к выходу. Что же, пищу я добыл, заодно и волну слухов запустил. Если уж решился сотворить такую низость... нечего затягивать.

Глава 9

Проснувшись, я увидела за огромными окнами темноту и ощутила, что снова зверски голодна. Как ни странно, невзирая на отсутствие хоть каких-то источников света, могла теперь разглядеть все в этой исполинской спальне, которая вполне могла сойти за актовый зал в небольшой школе. И на этот раз я была тут одна, да и второпях натянутое на голое тело платье на месте. Еще некоторое время прислушивалась к звукам и рассматривала темные очертания мебели, задаваясь вопросом, сколько же проспала: весь день или вообще больше суток, раз так опять сводит живот. Его громкое урчание и было единственным, что производило шум в этом помещении. Еще мне хотелось в туалет, и кое-где чесалась кожа, намекая на необходимость принять душ, как и предлагал...

Так, секундочку! Или побольше одной. Можно мне еще не начинать думать о последних событиях? Как будто это и правда возможно.

Медленно поднимаясь в постели, я ерзала языком по зубам верхней челюсти, нащупывая там изменения, которые уже не проигнорируешь. Два самых настоящих клыка, не такие, как зубищи у тигра, конечно, но все же совсем не то, что помню у себя раньше. Я бы и палец в рот сунула, получше проверить, но где это видано, невымытые руки в рот совать! Бабуля была бы в шоке.

Первым делом все же пошла не в ванную, а высунула нос в коридор, ведущий из спальни, и еще послушала. Похоже, хозяина, склонного воровать людей и кусать их, дома не было. Или он спит в какой-нибудь кладовке в гробу? А я? В смысле, мне тоже придется? Ужас! Где я его возьму? На карте что-то там еще оставалось от продажи квартиры. Интересно, на модель поудобнее хватит? Таковую, чтобы не одни голые доски... Божечки, да что за дурь лезет в голову! Если бы этот упырь – как его зовут-то? – спал в гробу, то на кой черт ему спальня больше моей старой квартиры и кровать размером с вертолетную посадочную площадку?

Добравшись наконец до ванной, я нащупала на стене выключатель. Яркий свет больно резанул по глазам, и только через мгновение я осознала, что скалюсь и шиплю, как кошка, которой на хвост наступили.

И да, в зеркале я, между прочим, отражалась. Выглядела, само собой, растрепанным чучелом и подбородок, щеки, шея в едва заметных буроватых разводах.

Кровь. Я пила кровь. Желудок на признание этого факта свершившимся, отозвался новым заунывным урчанием и довольно неприятным спазмом.

– Я теперь вампир? – спросила у своего отражения, изучая новую себя и все ожидая прилива паники, отвращения, отрицания, желая броситься бежать все равно куда сломя голову, да чего угодно.

Но в сознании было поразительно тихо. Не считая любопытства, я сейчас никаких эмоций не испытывала вовсе. Потребности бездумно спастись бегством тоже. Куда я побегу-то? В полицию? Ерунда.

Да и каких-то радикальных отличий во мне с первого взгляда не наблюдалось. Все та же я. Ну с клыками да в измятом платье, которое себе раньше не могла бы позволить. Бледная, но кто бы тут не сбледнул. Я и раньше-то румянцем в пол-лица не отличалась, а как заболела, так тем более.

– Я больше не больна? – наклонившись к самой зеркальной поверхности, всмотрелась в свои глаза, как будто это могло бы дать мне ответ. – Совсем? То есть не умру? Буду жить дальше? Но, собственно, где?

Вот что-то явно у меня не то с головой. Почему мои чувства какие-то... ну не знаю, недостаточные, заторможенные, что ли? По идее, все же должно бушевать в душе. Любой человек, получивший внезапно подобное избавление от скорой смерти, должен быть несказанно рад.

Бегать, кричать, ликовать, сразу после того как перестанет биться в истерике от ужаса. Даже если эта новая жизнь еще незнакома и вполне может быть полна всяких неприятных сюрпризов, это же жизнь, да? Вот! Опять! Столько страстей бывало в моих фантазиях, сколько себя помню, а вот в реальности все вечно вот так вот. Никаких взрывов и крайностей. По сути, та истерика на крыше под дождем была первым бурным проявлением моих чувств.

Голод напомнил о себе очень сильным спазмом в желудке, и, отбросив размышления о глобальном в принципе, но несущественном сию минуту, я быстро сдернула платье и сунулась в душевую кабину.

Ух ты! Там было не меньше трех десятков насадок, бьющих по телу под всевозможными углами! А у здешнего хозяина губа не дура, и комфорт он любит на высшем уровне. Чем, кстати, зарабатывают на такую безбедную жизнь вампиры?

Ну, блин, Маша! Где твое «О, господи! Вампир! Он вампир! И я вампир! Что делать? Что делать?!» Нет же. У меня в голове только – где и на что я буду жить и откуда деньги у хозяина дома. Унылая я и меркантильная, да.

Ладно, было еще кое-что. Один вопросик. На кой черт этому вампиру, который выглядел как ходячая женская греза, понадобилась я, вот такая, какая есть. То есть вполне себе прозаическая, со своей унылостью в придачу?

Припоминая, что мне случилось читать о вампирах, я завернулась в большое, необыкновенно мягкое полотенце и обшарила все ящики в ванной. Больше половины оказались пустыми, в оставшихся хранились только мужские принадлежности. Женщины в этом доме нет?

Вернувшись в спальню, я перерыла так и стоящие на кресле пакеты, назвав в итоге себя бестолочью. Накупила всякого дорогущего барахла, эффектных вечерних платьев и белья, но ничего удобного и повседневного. Ну и ладно, за окном темно, значит, вечер – надену что есть. Облачившись в серебристое, струящееся по телу, словно жидкость, платье в пол, отправилась наконец на поиски кухни. Есть хотелось уже просто адски, так что очень-очень надеюсь, что она здесь есть и холодильник не пустует.

Кухня была и под стать всей квартире – огромная и ультрасовременная. Подходя к холодильнику, я себя уже внутренне готовила к тому, что увижу там медицинские пакеты с кровью – ну как в кино. Я же смогу заставить себя ее пить? С закрытыми глазами, представляя томатный сок. Зараза, я терпеть не могу томатный сок.

Однако там оказались вполне себе нормальные продукты, хотя преобладало сырое мясо. Итак, вампиры все же едят обычную пищу. Ура! Представить, что мне предстоит перейти полностью и навсегда на жидкую диету, не упоминая уж о моральной и технической стороне этого, было удручающе. Я за свою жизнь столько на этих диетах всяких отсидела... люди за убийство меньше сидят.

Так, посмотрим. Я извлекла из недр холодильника увесистый кусок мяса и, сглатывая слюну, уложила его на найденную в шкафах доску. Некрасиво шарить и хозяйничать в чужом доме, и при других обстоятельствах я бы ни за что так не сделала. Но лучше же я сытая, страдающая от стыда, чем мертвая.

От голода уже неимоверно тошнило, так что пока нарезала мясо, я между делом сгрызла еще и большую морковку. Сковорода с маслом уже грелась на плите, как вдруг мне в живот кто-то будто врезал беспощадным кулаком. Зажав рот, рванула к санузелу. Выворачивало меня долго, до тех пор, пока не почудилось, что с проклятушкой морковью я отправила в унитаз и собственную печень. Всю трясло от слабости, и в глазах стремительно темнело, во рту все как мокрым пеплом облеплено, боль в животе была кошмарная. Морковка – отравка для кровососущих?

– Черт, прости, я слишком задержался! – У меня не нашлось сил даже обернуться на голос явившегося хозяина квартиры. – Сейчас я накормлю тебя.

Сильные руки вздернули меня с пола. Придерживая вокруг живота, вамп наклонил меня над раковиной и включил воду.

– Рот прополощи, чтобы и следов еды не осталось! – приказал он, зачерпывая жидкость в ладонь и поднося к моему рту. – Давай, а то может все повториться.

Я бездумно послушалась, но едва внутренняя сторона его широкого запястья оказалась у моего рта, вцепилась в нее зубами, не соображая, что творю. Господи, что же это был за вкус! Если и существует в реальности божественная амброзия, то сейчас я жадно глотала именно ее. И с каждым новым глотком в меня будто вливался живой, жидкий жар, текучий огонь, прогнавший моментально не только всю дурноту и боль, но и превративший все тело в ступор горящей, дрожащей от алчного вожделения плоти.

– Нет, я хочу не так, милая! – напряженным голосом произнес мой кормилец и беспардонно отнял источник питающего блаженства, чем тут же привел в ярость.

Он быстро отпустил меня, разрывая наш контакт, и я развернулась к нему скалясь и рыча: «Еще!»

– Хочешь еще? – Вампир медленно пятился от меня, разжигая этим внутри нечто прежде не познанное, зверское. – Иди сюда и возьми!

Широко раскинув руки, он, дразня, запрокинул голову, доводя меня этим жестом до края. Я прыгнула вперед, вцепляясь в его широкие плечи и впиваясь клыками в горло под его протяжное, кажется, даже счастливое «Да-а-а!».

– Вот так, да, да, пей, пей! – стонал он, поддерживая меня и лаская спину. – Еще-еще-еще! Я так тосковал по этому... пей... пей, Ло...

Мое сознание уже стало путаться, в каждом звуке, издаваемом им, чудилось столько откровенно эротического призыва, что все во мне стало охотно на него отзываться. Один голод с огромной скоростью начал перерождаться в другой, и я уже сама терлась об него, постанывая и умоляя о другом насыщении.

Противный визжащий писк всверлился в мой одурманенный похотью мозг, невероятно беся и разрушая великолепное исступление, захватившее мое сознание. Просветление от кроваво-сексуального безумия пришло одновременно с дымной вонью и шуршащим звуком полившейся отовсюду с потолка воды.

– Система пожаротушения сработала, – сообщил сквозь рваные тяжелые вдохи ошалело уставившейся мне мужчина-головокружение.

Глава 10

Дымную вонь я уловил сразу, перенесясь домой, но звуки из ванной заставили мгновенно забыть о ней. Опоздал я. Моя... обращенная явно добралась до холодильника и попыталась утолить жестокий голод с помощью Алисиных запасов продуктов. Моя вина. Очень плохо. В начале трансформации любая пища, кроме крови инициировавшего тебя, практически яд.

Но и проигнорировать мерзкое амбре застарелой ржавчины, что уловил, почти добравшись до выхода из клуба Натальи, не мог. Сигареты, кровь, пот, похоть – ничто из этого не было способно заглушить для меня невидимый след демона-паразита. Не важно, какого он вида и к чему склоняет или откровенно принуждает своего носителя без разницы какой расы, улавливать их мерзкий смрад я научился безошибочно при любых обстоятельствах. Ржавчина, прелая листва, тлеющая плоть, давно протухшая рыба, скисшее молоко или гниющие овощи – у каждого вида свое, для человеческого нюха неуловимо, для обоняния большинства нечисти, не имевшей с ними прямых дел, – чуток раздражающе, однако не настолько, чтобы насторожиться. Но только не для меня.

Резко сменив направление, я, как гончая, стал выискивать мерзость в толпе, и тут же рядом со мной нарисовался Маркус.

– Ты сказал, что пришел к нам только ради кормления, – зашипел он мне в затылок. – Никакой твоей чертовой охоты на нашей территории!

Не все одобряли мою добровольную деятельность, не все. Ой, ладно, прямо скажем – девяносто процентов представителей «темной стороны» придерживались мнения, что я до хрена на себя взял, зарвался, никому это не нужно, «как-то жили себе и без этого веками прекрасно» и так далее. Забыли, идиоты, что благодаря «бесполезной суете» возомнившего о себе черт-те что выскочки, то бишь мне, в городе и окрестностях не было повальных рейдов охотников-истребителей уже столько лет. Те не выбирали правых и виноватых, если где-то нечисть сильно уж обозначивала свое присутствие в этом мире, и косили всех подряд.

– Вашей территории? – бросил я насмешливо через плечо, и не думая отвлекаться и останавливаться.

Я, конечно, сильно наглед, годами насаждая всем понимание, что, как бы они тут ни занимались дележкой между собой зон влияния, злой-презлой Рубль всегда сможет явиться куда угодно и навести свои порядки, если что не так.

– Нам не нужны тут неприятности, Рубль, – не отстал от меня дерзкий птенец. – Если ты кого-то тронешь у нас, то кто будет и дальше доверять нашей гарантии безопасности и ходить к нам?

– Нам-нам, – передразнил его я, не отвлекаясь от выслеживания. – У Натальи потрясающая способность мгновенно отучать своих кормильцев говорить «я» и думать своей головой.

– Ты смеешь оскорблять ее? – взвился он.

Говорю же, мозгами не пользуются.

– Тебя, малыш, тебя, – отмахнулся я, ускоряя шаги.

След привел в одну из частных комнат клуба, запертую дверь в которую я вышиб ногой без церемоний, игнорируя возмущения Маркуса. И надо сказать, что успел я очень вовремя. Две сотрудницы Натальи с пресловутой пониженной социальной ответственностью как раз бросались друг на друга с короткими перочинными ножичками в руках, нанося рану за раной. Выглядели и они, и вся обстановка уже и так более чем красочно: все залито и забрызгано кровью, но подчиненные демоном девушки никак не реагировали ни на собственное состояние, ни на мое появление. А за ними с дебильной улыбкой счастливого маньячили наблюдал скромненько стоящий в углу носитель паразита.

– Что здесь... – начал Маркус, я же, рывкнув ему «Девоч зафиксируй», бросился на зачинщика этой херни.

Тот, истошно заверещав, кинулся от меня по периметру комнаты. Но куда тут убежишь. Настиг я его моментально, но поскользнулся на крови и просто влетел ему в спину, валя на пол. Тут же мне на загривок прыгнула одна из ментально одурманенных женщин и всадила свой смехотворный ножик в бок, пока я обездвиживал свою жертву, не давая нанести себе хоть малейшую рану. Иначе гадский паразит с легкостью покинет «отработанное» тело и отправится искать нового носителя. Вырубил я временно чокнутую ударом затылка в лицо и одновременно сломал шею носителю.

Все. Теперь с чистой совестью домой.

– Счет за дверь пусть Наталья включит в оплату за кормление, – сказал, поднимаясь, Маркусу, что удерживал вторую их сотрудницу особого профиля, которую уже начало конвульсивно трясти в отходняке после воздействия на разум и тело и, само собой, от боли и кровопотери. – Хорошего вечера!

Торопливо вышел наружу и уже через секунду стоял на крыше высотки со своей стороны. Помешкал пару секунд, разрываясь между двумя одинаково сильными и неправильными желаниями. Войти внутрь как можно быстрее и позволить себе окунуться в это наваждение возвращения Лоралин, обмануться, потому что это так легко, приятно. Или же развернуться и малодушно сбежать от последствий того, что сам и наворотил, обратив эту незнакомку. Просто пожить все равно где, дожидаясь, когда она, оставленная без моей крови, присмотра и руководства исчезнет по любой из причин. Урод, какой же я все-таки урод. Потому что вошел внутрь, собираясь накормить и сохранить жизнь, поступая таким образом даже более жестоко, чем если бы дал ей умереть.

– О господи! – шарахнулась от меня обращенная, напуганная пискom противопожарной системы и погасшим повсюду светом. – Это же я на кухне сковородку бросила!

Она хотела метнуться прочь на ощупь, но ее уже шатало, как пьяную, после кормления, и я удержал, не давая упасть или удариться об стену.

А она на удивление быстро преодолевает трансформацию. Насколько помню, я первые раз десять просто отключался после каждого кормления. Или у женщин это по-другому?

– Все в порядке, – попытался успокоить девушку, прижав лицом к своей груди, не в силах оторвать свои руки от таких знакомых изгибов.

Самообман. Как же я в нем жалок, но при этом мне безумно хорошо от того, что поддаюсь ему хоть частично.

– Ничего не в порядке! – не унималась Не-Лори. – Вода с потолка льется, сейчас к соседям протечет! Это же какие потом деньжищи на компенсации им. Прости!

Когда устанавливали систему, предлагали мне какую-то химию вместо воды, но я отказался. Ведь знаю, что вода никакая не проблема.

– Успокойся, говорю! Не за что извиняться, – почти прикрикнул я на неумную женщину в своем захвате.

Каждое ее ерзание – испытание для моей воли и порядочности, о которой можно уже в принципе и забыть.

Я ее уже трахал, представляя, что делаю это с Лоралин, и чуть не сделал это снова только что. Если бы не чертова сковорода, то мы бы уже сцепились, как одержимые, на полу или у стены – не наплевать ли где, главное, что вождение еще крепко держало меня за все причинные места, в том числе и за желающий этого самообмана разум. Я до одури хотел еще ее клыков в моей плоти, жадных глотков у горла, стонов насыщения и возбуждения. Хотел брать ее, пока она берет силу для новой жизни у меня. Желал повторения этого сна и снова, бесконечное количество ночей. Даже если это ложь, даже если это всего лишь попытка залепить крошечным пластырем рану во все сердце.

– Отпусти меня, – почти шепотом попросила... блин, почему просто не посмотреть было на документы в ее сумке?

Лоралин всегда дико бесило, когда я трогал что-то из ее вещей. Да чтоб меня! Она не Лори! Не она.

Можно было и в сознание занырнуть хоть на самую малость. Но и тут я веду себя как трус и тряпка. Ведь тогда от иллюзии не останется и следа.

– Темно, скользко – ты упадешь, – не разжал я рук и, не сумев-таки остановить себя, потерся носом у ее виска.

– Зато не умру от неловкости, – напряглась девушка еще сильнее.

– С чего бы вдруг?

– Я что, действительно должна это озвучить? Твой... кхм... сам знаешь что, упирается мне в живот.

– Мой «сам знаю что»? – не сдержавшись, я фыркнул. – А ничего что эта самая часть тела, которую нельзя называть, уже побывала в тебе где-то сутки назад, и за малым это не повторилось только что?

– Не повторилось же, а тот раз... ну... он не считается. – Густой аромат смущения окутал нас, и мне неожиданно понравилось его вдыхать, хотя Лори никогда не пахла этой эмоцией.

Прекратить! Нужно прекратить это ежесекундное сравнение! Или полностью уже поддаться и позволить себе свалиться в бездну этого самоубийства.

– Слушай, ну это правда становится неудобно, – возмутилась моя обращенная и уперлась в мою грудь сильнее. Одна ладонь легла прямо над сердцем, что забарабанило еще интенсивнее. – Ух ты! Оно бьется! И мое тоже!

– А ты чего-то другого ожидала?

Раз-два-три, давай, зараза, Рубль, шевелись уже! Отпусти ее и вызови домашнего убрать бардак!

– Ой! – тихонько пискнула девушка, когда я подхватил ее на руки и в самом деле пошел вызывать уборщиков. – Куда мы? И как тебя зовут? И вообще, по-моему, нам много о чем нужно поговорить. У меня голова просто лопается от вопросов, мысли путаются... И почему мне, в конце концов, не страшно? Это же не нормально! И почему ты сделал это со мной? В смысле – почему я? То есть...

– Тш-ш-ш! Называть меня можешь Рублем, и на все твои вопросы я отвечу. – За исключением последних двух. – Давай только с сыростью разберемся.

Поднес ее к входной двери и провел по вырезанному на дереве мощной рамы знаку.

– Рубль? Что за имя такое? Или это прозвище? А ты не мог бы все же поставить меня на ноги?

Мог бы, но не хочу. Не хочу, но сделаю, все равно это ненадолго. Мои суставы разве что не скрипели на всю комнату, отказываясь производить действия по выпусканию из загребущих объятий... не Лори, она не Лори!

– Твою же в кочерыжку, что ты тут устроил, Рубль? – раздался позади голос, больше похожий на гудение труб в старой развалюхе.

Выглянув на визитера, моя обращенная завизжала и мгновенно вскарабкалась на меня, как на дерево. Ну вот, я же говорил, что отпускал ее ненадолго.

– Успокойся, дорогая, – тихо сказал я ей на ухо. – Это Никитка, и он пришел вернуть нам порядок и уют. Никитка, прости ее бурную реакцию, ты первая домовая, которого видит в жизни...

– Мария, – шепотом подсказала девушка, то и дело выглядывая робко на домашнего. – Я, между прочим, предлагала познакомиться перед тем, как заниматься... всяким.

– Ну, допустим, всякого у нас еще и не было, – так же шепотом возразил я. – Так, кое-что по мелочи.

– Что?!!

– Так, ладно, у меня нет времени слушать ваши шу-шу-шу, – прогудел раздраженно Никитка. – Идите вон на воздух, я тут по-быстрому приберу все. Работы завались еще.

Глава 11

На этот раз я несколько не возражала против перемещения меня на руках. По крайней мере, это спасало от позорного бегства с истошным воплем, потому как этот так называемый домовой был реально страшным существом. Я отдаю себе отчет, что и мужчина, который нес сейчас меня в сторону выхода на крышу, по сути, чудовище, если верить образам из романов и всяким там ужасикам. Но все же он хоть обладал человеческим обликом, весьма и весьма привлекательным, надо заметить. Настолько привлекательным, что во мне то и дело происходило... что-то, стоило глянуть на его лицо... или шею с адамовым яблоком, куда почему-то так и тянуло мои губы. А вот этот Никитка... Волосато-бесформенное нечто с двумя светящимися сквозь эту лохматую шерсть глазищами-блюдцами, которое к тому же еще и все время меняло размер. Раз взглянешь – оно не больше лабрадора, а второй – головой потолок подпирает, а потолки тут ого-го какой высоты.

И надо быть честной: сам факт ношения меня на руках – незнакомое, но необычайно приятное ощущение. Тем более при том, что прежде со мной такого не случалось. Потаскать мои не самые скромные кило ни у кого желания до сих пор не находилось. И мне всегда еще казалось, что попытайся кто-то, и я буду чувствовать себя дико неловко, понимая, что тяжелая. Но господин кровопийца делал это с такой непринужденностью, похоже, ничуть не напрягаясь, что вырваться и освободить его от нелегкой ноши у меня и мысли не мелькало. Наоборот, было комфортно, как никогда прежде, и от этого опять стала возвращаться сонливость.

– Выходит, и домовые существуют, – пробормотала себе под нос, пожившись, когда... хм... Рубль вынес меня на открытый воздух.

Едва мы вышли, какая-то странная волна прошла по моему телу, и явно это был не уличный ветер, а потом стеклянная дверь сама собой захлопнулась и все прекратилось.

– Существуют! – кивнул он, пристально глядя на меня. Он вообще все время так смотрел. Как будто... ну, не знаю... мысленно трогал, ласкал меня и одновременно искал что-то.

И сама не понимаю почему, но очень хотелось, чтобы во мне было это им искомое. А кто бы не захотел? Вампир там или нет, но, на секундочку, выглядел этот мужчина реальной ожившей фантазией. Причем совсем-совсем не скромной фантазией, не из разряда «лишь бы человек был хороший и руки из того места», а масштабности «в зобу дыханье сперло и пальцы на ногах поджались». И темная, порядком отросшая щетина, и чуть выющиеся волосы почти до плеч, которые смотрелись неравномерно, даже как-то небрежно обкромсанными, ни капельки не снижали убийственную действенность всего его облика такого натурального самца. И божечки, какой же у него подбородок и скулы! А рот! Верхняя губа четко, почти грубо очерчена, будто соревновалась в привлекательности с чувственно-пухловатой нижней. Отнюдь не по-женски пухловатой, а так, что сразу лезут в голову всякие грешные мысли и ты то и дело облизываешь свои собственные... Так, что-то опять я куда-то в мир грез потихоньку уплываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.